

Анхель де Куатьэ

В поисках скрижалей

МАЛЕНЬКАЯ ПРИНЦЕССА

пятая скрижаль завета

книга шестая

Куатьэ, Анхель де

Поиски скрижалей продолжаются!

Знаем ли мы правду о себе? Давно ли мы заглядывали в свое сердце? Да и готовы ли мы к этой аудиенции? А ведь от этого зависит вся наша жизнь. Без этого ее нет. Просто не может быть. Пристраиваться к миру, приспосабливаться к миру, мириться с миром — вот искушение, которому не в силах противостоять человеческая душа.

История поисков пятой Скрижали захватывает и держит в напряжении с первой же страницы. Анхель и Данила оказываются заложниками страшной и опасной игры. В мире, живущем без правды, все зыбко и тленно. В душах, позабывших о Свете, царствует Тьма. «Глаза слепы. Искать надо сердцем», — говорит Антуан де Сент-Экзюпери. «Правда страшит. Но с ней не страшно», — вторит ему Маленькая Принцесса.

Правда в каждом из нас. Но где мы?

«В каждом когда-то жил ребенок — он мог, словно рентген, просветить насквозь пообедавшего удава. Или увидеть живого барашка в коробке, нарисованной на бумажном листке. Но главное — он знал правду, он знал все как есть. У него не было двойного дна. Он сам был и маленькой планетой, и космосом вокруг нее. Он был всем, самой жизнью. Но где он теперь? "Зачем этот мальчик покончил жизнь самоубийством?"».

Сайт в Интернете, посвященный Анхелю де Куатьэ:

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ ИЗДАТЕЛЯ
ПРЕДИСЛОВИЕ
ПРОЛОГ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ЭПИЛОГ

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Шестая книга Анхеля де Куатьэ, и я, рискуя показаться смешным, снова вынужден повториться — эта книга произвела на меня самое сильное впечатление из всех книг этого автора. То же самое я писал в предисловии к «Учителю танцев», к «Дневнику сумасшедшего». Но что поделать?.. Каждая новая книга Анхеля де Куатьэ действительно — лучшая. Чего стоит один лишь вопрос Данилы, спрашивающего в «Маленькой Принцессе» о судьбе «Маленького Принца» Антуана де Сент-Экзюпери: «Зачем этот мальчик покончил жизнь самоубийством?»

Странный и страшный вопрос. Попробую объяснить, почему я так чувствую.

Мне кажется, что у многих читателей «Маленького Принца», людей, очарованных этой великой французской книгой, не раз возникало ощущение ее недосказанности, незавершенности. Неслучайно, многие считают загадочную, похожую на самоубийство смерть военного летчика де Сент-Экзюпери истинным финалом «Маленького Принца».

Автор «Маленького Принца» действительно обрывает повествование, оставляет последний лист чистым. Он словно говорит нам: «Допишите конец. Вы ведь знаете этого мальчика. Он в вас».

Но если он в нас... И тут вопрос Данилы превращается из литературоведческой сентенции в набат: «Зачем этот мальчик покончил жизнь самоубийством?»

В каждом когда-то жил ребенок — он мог, словно рентген, просветить насквозь пообедавшего удава. Или увидеть живого барашка в коробке, нарисованной на бумажном листке. Но главное — он знал правду, *он знал все как есть*. У него не было двойного дна. Он сам был и маленькой планетой, и космосом вокруг нее. Он был всем, самой жизнью. Но где он теперь? «Зачем этот мальчик покончил жизнь самоубийством?»

Мы превратились во «взрослых». «Взрослые, — пишет Антуан де Сент-Экзюпери, — очень любят цифры. Когда рассказываешь им, что у тебя появился новый друг, они никогда не спросят о самом главном. Никогда они не скажут: "А какой у него голос? В какие игры он любит играть? Ловит ли он бабочек?" Они спрашивают: "Сколько ему лет? Сколько у него братьев? Сколько он весит? Сколько зарабатывает его отец?" И после этого воображают, что узнали человека». Мы превратились в таких «взрослых».

Мы стали «Королями», для которых все — поданные. Кто-то превратился в «Пьяницу», которому совестно, что он пьет, и он пьет, чтобы забыть, что ему совестно. Многие стали «Деловыми людьми», которым кажется, что они владеют звездами, хотя на самом деле в их ведении — одни закорючки. Некоторые живут как «Фонарщик» — когда-то они помогали людям, а теперь просто следуют привычке включать и выключать свет. Наконец, все взрослые стали «Географами» и больше «не отмечают цветы» на карте, потому что «цветы — эфемерны».

В нас проросли семена зловредных баобабов. «Если баобаб не распознать вовремя, потом от него уже не избавишься, — предупреждает Маленький Принц. — Он завладеет всей планетой. Он пронизет ее насквозь своими корнями. И если планета очень маленькая, а баобабов много, они разорвут ее на клочки». Вообще, это очень просто — встал поутру, умылся, привел себя в порядок и сразу же приведи в порядок свою планету. Баобабы надо непременно выпалывать каждый день, как только их можно отличить от будущих розовых кустов. Молодые ростки у них почти одинаковые...»

Антуан де Сент-Экзюпери пишет о «планете», а речь идет о душе. Он говорит о розовых кустах, а рассказывает о внутреннем свете, он описывает баобабы, а предупреждает о темной стороне души. Эту чистую проповедь поняли не многие. И теперь о том же самом, но уже совсем по-другому, говорит Анхель де Куатьэ. Антуан предупреждал — семена баобабов постоянно прорастают, они могут уничтожить душу. Анхель и Данила застали планету, уже разорванную баобабами. Наш внутренний свет едва брезжит. Какой-то мальчик не услышал, насколько «страшно важно и неотложно» бороться с тьмой внутри.

Зачем Маленький Принц покончил жизнь самоубийством?..

Это все, что я имею право сказать сейчас, предваряя новую книгу Анхеля де Куатьэ. Потрясенный прочитанным, я бы хотел сказать много больше, но вынужден себя сдерживать. «Маленькая Принцесса» читается, как захватывающий детектив: Анхель и Данила оказались заложниками очень серьезной и страшной игры. Поэтому, если я скажу больше, то непременно выболтаю какие-то детали, что возможно испортит читателю книги удовольствие от предстоящих открытий — как сюжетных, так и в чистой сфере духа. Допустить это я никак не могу. Поэтому мне надлежит умолкнуть. И остается только завидовать тем, кто будет читать эту книгу впервые.

Издатель

ПРЕДИСЛОВИЕ

За нами следят уже больше двенадцати часов. Сначала я в этом сомневался, но теперь уже нет. Две темные машины появились под нашими окнами, как только я втащил Данилу домой. И за все это время ни один человек из них так и не вышел.

Слава богу, Данила постепенно приходит в себя. По крайней мере, теперь я буду не один. Но состояние у меня все равно ужасное. Мы потеряли Скрижаль. За нами следят. Что делать дальше — неизвестно.

Придавая поиски Скрижалей огласке, я предполагал, что мы можем столкнуться с определенными трудностями. Но мне и в голову не приходило, что последствия окажутся столь серьезными.

На сей раз мы столкнулись с воплощенной Тьмой. Я ощущаю это физически. Пытаюсь убедить Данилу, но он мне не верит. Но его мнение на этот раз мною в расчет не принимается. Потому что он ничего не помнит...

Да, все три дня, за которые мы столько перенесли и пережили, стерты из его памяти, словно ластиком. Белый, чистый лист. Стерто, стерто. Я включил диктофон и делаю запись. Если с нами что-то случится, то, по крайней мере, эта информация сохранится на пленке.

Данила смотрит на меня, как на умолишенного. Он качает головой, удивленно хлопает веками и говорит: «Нет, Анхель, этого не может быть. Этого просто не может быть. Я не мог этого забыть. И это не Тьма!»

Я отвечаю: «Данила, давай я тебе сначала все расскажу. Все по порядку. А потом ты будешь делать свои умозаключения — Тьма или не Тьма. Вообще, сможешь делать все что угодно. Но не сейчас. Ты же

ничего не помнишь. Так?»

Он соглашается. Сидит и растерянно смотрит, как я мечусь по комнате. Он пришел в себя меньше часа назад. И если бы у меня не было «вещественных доказательств», то он и вовсе бы решил, что я его разыгрываю.

Ему кажется, что он лег спать вчера вечером, а проснулся сегодня утром. На самом деле, он лег спать больше трех суток назад и с тех пор, кстати, почти не спал.

— Данила, ты правда ничего не помнишь? — я спрашиваю его, наверное, в тридцатый раз. — Ни Кассандру, ни Гаптена, ни Машу... Никого?

— Нет, — говорит Данила и смотрит на меня с подозрением.

— Я тебя не обманываю, правда! Вот, видишь две машины. Они стоят под нашими окнами уже двенадцать часов. За нами следят!

У тебя паранойя, Анхель! Ты с ума сошел. Кому надо за нами следить?! — Данила сердится, а я ощущаю очередной приступ своего бессилия.

— Это правда, Данила! — Правда!

— Слушай, Анхель, — предлагает Данила. — Давай выйдем из дома. Я тебя уверяю — как эти машины стояли у нас под окнами, так и останутся стоять!

— Как ты не понимаешь, я боюсь выходить из дома! — отвечаю я, срываясь на крик.

— О чем я и говорю — Анхель, ты просто не в себе! Пойдем. Тебе надо проветриться, а заодно ты убедишься, что я прав.

Что делать? Я не знаю. Но если другого способа убедить его нет...

— Хорошо, — отвечаю я, хотя все во мне сжимается в этот момент от ужаса.

Мы выходим из подъезда и через двор направляемся к улице. Обе машины словно по команде заводятся и едут туда же.

Данила смотрит на меня с удивлением. А я не смотрю на него, потому что меня трясет и я боюсь сорваться. Меня трясет из-за того, что он мне не верит и не понимает, в какой тяжелой ситуации мы находимся. Я пытаюсь держать себя в руках.

Машины, не торопясь, следуют за нами. Сидящие в них люди, хотя и прячутся за тонированными стеклами, ничуть не беспокоятся о конспирации. Они видят, что мы оглядываемся, что мы тоже следим за ними, но ничего не предпринимают. Просто едут за нами и все.

— Предлагаю зайти в кафе, — говорю я.

— Давай зайдем, — отвечает Данила. Мы заходим и тут же, не сговариваясь, разворачиваемся, чтобы посмотреть в окно.

Преследовавшие нас машины паркуются прямо напротив.

— Ну? — спрашиваю я, пытаюсь не кричать. — Паранойя?!

Знаю твои дела, но ты носишь имя, будто жив, но ты мертв.

Бодрствуй и утверждай прочее близкое к смерти; ибо Я не нахожу, чтобы дела твои были совершены перед Богом Моим.

Вспомни, что ты принял и слышал, и храни и покайся. Если же не будешь бодрствовать, то Я найду на тебя, как тать, и ты не узнаешь, в который час найду на тебя.

Побеждающий облечется в белые одежды; и не изглажу имени его из книг жизни, и исповедаю имя его пред Отцом Моим и пред Ангелами Его.

Имеющий ухо да услышит, что Дух говорит церквам.

*Откровение святого
Иоанна Богослова,
3:1-3, 5-6*

ПРОЛОГ

Мы садимся за столик.

Данила выглядит испуганным, я даже рад этому. Наконец-то он будет воспринимать мои слова серьезно.

Я достаю из кармана книжку «Маленький Принц» Антуана де Сент-Экзюпери и показываю ему:

— Узнаешь? Как ты ее читал, помнишь?

— Да, помню. Вчера вечером, — отвечает Данила.

— Поза-поза-позавчера вечером, — поправляю его я.

Ну что ж, по крайней мере понятно, с какого момента рассказывать...

В ту ночь я долго не мог уснуть, задремал лишь под самое утро. Все беспокоился. Почему-то вспоминал деда, мать. Думал, как они у меня там. Мы с мамой недавно созванивались. Она говорит, у них все нормально, дед по-прежнему. В общем, чтобы я не беспокоился. Но что значит — «не беспокоился»?

Я пытался войти в ее сновидение, но она меня не пустила. Увидела, как я приближаюсь, обняла,

поцеловала: «Ангель, ты должен быть там». Вот и весь разговор.

Как раз в этот момент, Данила, ты меня и разбудил. Было около девяти часов утра. И это, насколько я понимаю, уже за пределами твоей памяти. Разбудил, чтобы рассказать о прочитанном тобою ночью «Маленьком Принце».

Книжка произвела на тебя сильное впечатление, и ты тут же начал мне ее пересказывать. Говорил быстро, эмоционально.

Я сел на кровать, протер глаза, посмотрел на часы. Конечно, я не выспался! И только мне не хватало выслушивать с утра пораньше вольное изложение «Маленького Принца» в твоём исполнении! Я попросил тебя обождать с этой «новостью», но ты не унимался. Я продолжал просить, ты — ни в какую. Наверное, только через час я понял, что с тобой что-то не так...

В общем, ты уговорил меня пойти прогуляться. Я согласился. С условием, что мы зайдем в кафе, где дают свежие круассаны. С учетом твоей ненависти к самому запаху слоеного теста можешь вообразить, насколько сильно тебе хотелось рассказать мне о «Маленьком Принце»!

По дороге ты молчишь, что-то думаешь, а я буквально сплю на ходу. В кафе я беру кофе и круассаны, ты — только кофе. Запах круассанов делает меня добрее, но в целом настроение у меня скверное — хочется спать. В общем, ты понимаешь...

Садимся за столик.

— Ангель, ты читал «Маленького Принца»?

Я смотрю на тебя и даже не знаю, что ответить. Автор «Маленького Принца» был другом семьи моего отца — точнее, другом моей бабушки по отцовской линии. И Поль, мой отец, будучи еще совсем маленьким мальчишкой, получил от «дяди Антуана» книжку с автографом.

«Читал ли я "Маленького Принца"?» Серьезность твоего вопроса вызывает у меня умиление.

Я мычу «да», откусывая кусок теплого круассана.

Эта сказка была любимой книгой Поля. И на ночь я частенько слушал «Маленького Принца». Отец рассказывал его по памяти, но сильно отклонялся от текста. Он описывал летчика, застрывшего в Сахаре, как своего хорошего знакомого.

«И тогда дядя Антуан, — говорил Поль, — нарисовал Маленькому Принцу второго барашка. Но тот ему тоже не понравился».

С детства я знаю «Маленького Принца» таким — родным, домашним. И конечно, воспринимаю Антуана де Сент-Экзюпери не так, как другие люди. Я понимаю, что он великий человек, но он еще и *человек из моего детства*.

— Ангель, а я почему-то всегда думал, — говоришь ты, — что «Маленький Принц» — это смешная история про мальчика, который нарисовал удава, проглотившего слона, а всем казалось, что это шляпа.

Я пожимаю плечами:

— Ну, где-то так оно и есть...

Но ты моим ответом категорически недоволен:

— Где-то! Ангель, про удава там, вообще, для отвода глаз написано!

Я слегка шокирован этим «известием». И тут же получаю от тебя такой вопрос:

— Ты мне объясни, зачем этот мальчик покончил жизнь самоубийством!

— Покончил жизнь самоубийством? — я недоумеваю. — Маленький Принц?

— Ну, а как еще? Ангель, ты что, не помнишь? В самом конце повести он просит, чтобы его укусила желтая змейка, чей яд убивает в полминуты.

Я начинаю что-то припоминать. Очень смутно. Действительно, кажется, была змейка... Странно, неужели я мог забыть?

В памяти отпечатались только смешные и трогательные сценки. Шляпа-удав. Бабабы. Барашек в коробке. Географ, который никуда не ездил. Король, у которого нет подданных.

Кажется, что в «Маленьком Принце» и вовсе нет никакого сюжета. Летчик рассказывает о своей встрече с чудным мальчиком, прибывшим с другой планеты. И все. Два человека, встретившись в пустыне, узнают, что оба они одиноки.

«Мы ответственны за тех, кого приручили».

— Да, Данила. Желтая змейка, я помню. Но почему самоубийство? — я все еще не могу в это поверить.

Ты предусмотрительно захватил с собой книгу (как я сейчас). Открываешь ее передо мной и показываешь соответствующий отрывок. Да, непосредственно о самоубийстве речь не идет. Но все выглядит так, что по-другому и не объяснишь.

Раньше мне казалось, что Принц просто улетел обратно на свою планету. Впрочем, отец вряд ли бы стал рассказывать мне о самоубийстве ребенка. А в сознательном возрасте мне бы и в голову не пришло перечитывать «Маленького Принца» — книгу, которую, как мне всегда казалось, я знаю наизусть.

— Действительно, очень похоже на самоубийство... — говорю я.

— Нормально?! — ты все больше и больше возбуждаешься. — И знаешь, почему он покончил с собой?

Данила, ты говоришь это «И знаешь почему?» так, словно ответ тебе известен доподлинно, от самого

Маленького Принца. Складывается впечатление, что перед тем, как покончить с собой, он позвонил тебе на сотовый и подробно изложил все причины своего поступка!

— Наверное, Маленький Принц просто заскучал о своем цветке, — предположил я.

И ты скептически «продолжаешь» мою мысль:

— Да, и поэтому решил покончить с собой... Действительно, мой ответ выглядит глупо. Но ведь меня и вопрос-то не особенно занимает.

— Ну, а что тогда?! — я как-то даже рассердился.

А что у них было — у Маленького Принца с цветком? Ну, с розой... — спрашиваешь ты.

Тут я вообще перестал что-либо понимать. Что с тобой вообще случилось? Почему ты так отчаянно уцепился за эту историю?

«Ну ладно, — думаю я. — Если это тебе так важно, будем гадать дальше».

Я пытаюсь «по рассуждать на тему»:

— Роза — она кокетничала и капризничала, как всякая женщина. Она хотела, чтобы Маленький Принц чувствовал угрызения совести. Намекала ему, что он, мол, недостаточно хорош для нее. Хотела, видимо, спровоцировать его таким образом на поступок. Она рассказывает ему всякие небылицы и требует, чтобы он о ней заботился. Но что бы ни делал Маленький Принц, ей все не нравится.

— Так... — ты одобряешь меня, но явно ждешь продолжения.

А у меня нет «продолжения»! Но я собираюсь с духом и с последними мыслями, откусываю еще круассан и говорю:

— А Маленький Принц об этой розе действительно заботился. И ему было больно из-за того, что она холодна с ним. Он хотел ее любить, но не смог, потому что видел...

Ангель, Маленький Принц сам не любит свою розу. Не может он ее любить или не получается у него. Не знаю. Но он ее не любит. Ему кажется, что он любит, но он не любит. Ему хочется любить, но *в нем нет силы любви*. Понимаешь?!

Я слегка оторопел. Смотрю на тебя в полном недоумении, а ты продолжаешь:

— Маленький Принц фантазирует: «Как было бы хорошо, если бы она...», «А какой у нее аромат...». И прочее, прочее. Но на самом деле он просто не любит. В этом правда. А роза проверяет Маленького Принца, экзаменует его: «А достаточно ли сильно он меня любит? А могу ли я ему доверять?» И так далее, далее — до бесконечности. Они оба, понимаешь, они оба врут и себе, и друг другу.

К этому моменту я совершенно запутался. Я отставляю свой кофе, откладываю круассан, который меня теперь совсем не радует, и спрашиваю тебя:

— Данила, ради всего святого! Что мы тут выясняем? Ты мне можешь объяснить, к чему весь этот разговор?!

Тут ты вдруг словно очнулся. Посмотрел на меня осмысленным взором, а не теми сумасшедшими глазами, что на протяжении всего этого разговора. И говоришь:

— Ангель, это очень важно. Я не знаю, что со мной происходит. Мне трудно соображать. И я сам не понимаю, что я так вцепился в этого «Маленького Принца». Но все это как-то связано... Просто поверь мне и помоги. Вот, что я понял этой ночью...

Очень удобно обвинить другого человека в том, в чем, на самом деле, ты сам виноват. Если бы Маленький Принц любил свою розу, то он бы не принимал всерьез ее игру. Он бы говорил с ней о ней — от сердца к сердцу. А если бы роза любила Маленького Принца, то она бы не боялась ему доверять.

У них вместо жизни игра получилась. Понимаешь? Игра. Они не друг другу врали, они в первую голову сами себе врали. Это страшно. Оба мучились, и оба мучили. А жизни настоящей у них не было. Потому что, когда ты не честен с самим собой, жизни у тебя не может быть. Когда Маленький Принц понял это, он и покончил с собой...

Наверное, я смотрел на тебя так, словно был в каком-то ступоре. Ты поводит рукой перед моими глазами и сказал — тихо, спокойно, осмысленно:

— «Мы ответственны за тех, кого приручили»... Это неправильно. Если ты пытаешься быть за кого-то «ответственным», но сам его не любишь, это не ответственность — это ложь. Мы ответственны не за тех, кто нас любит, а за тех, *кого мы любим*. Любовь — это сила. Кто любит — тот и отвечает. И тогда все правильно, потому что по-честному. А быть ответственным, не любя, это неправда.

Наконец, до меня доходит, что ты уже не здесь, не со мной, не в этом кафе и даже не в этой жизни. У тебя начались видения. Ты уже с той стороны реальности. Ты на пути к пятой Скрижали. Господи, как я мог это проворонить!

— Данила, а о чем ты думаешь, когда говоришь — «правда»? — я задал тебе этот вопрос, понимая, что именно на него ты пытаешься сейчас ответить.

— Правда... — протянул ты и задумался. — Правда — это точка, после которой начинается жизнь. Во лжи нельзя жить. Ложь помогает существовать, но она убивает жизнь. И это труднее всего — не врать самому себе. Знаешь, я давно спрашивал себя — чем мудрец отличается от святого? И теперь мне кажется, я понял. Мудрый человек — это тот, кто знает правду о других людях, видит, что у них на сердце. Он — мудрый. А святой человек...

Тут ты опустил голову, потом поднял, но смотрел куда-то в сторону. Мне показалось, Что ты сейчас говоришь сам с собой — говоришь и удивляешься:

— Господи, это же так просто... И так, на самом деле, немного... Святой человек — только одно... Он принимает правду о *своем* сердце.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Я продолжаю рассказывать.

Данила смотрит на меня. Он растерян.

Пытается понять, как он мог все это забыть.

Впрочем, у меня не менее дурацкое ощущение.

Я словно живописую былинную историю:

«И пошел Данила... И сказал Данила...»

А сам Данила передо мной и все это слушает.

При этом, история не закончилась.

За окном две темные иномарки,

в них преследующие нас люди. Данила повернулся и уставился в окно:

— А они — кто?

— Меня сейчас больше интересует не кто они, а почему мы до сих пор живы, — отвечаю я.

— И это правда. — Данила, а ты и видения свои не помнишь?

— Нет, — отвечает он и мотает головой. Я, признаться, ему не верю. Нет, верю, конечно.

Но все это настолько маловероятно...

Как можно забыть то, что с нами случилось?!

— Рассказать? — спрашиваю я.

Данила активно кивает головой.

Нам приносят кофе, а я продолжаю.

Ты начал слышать голоса — два голоса параллельно, мужской и женский. Насколько я сейчас понимаю, они возникли у тебя подспудно. Ты читал «Маленького Принца», а они начали звучать в твоей голове. Сначала обрывками фраз, отдельными словами. Тихо, на заднем плане, а потом все объемнее и отчетливее.

Постепенно эти голоса как бы вклинились в твое собственное сознание. Ведь был еще и третий — твой собственный внутренний голос. И произошла сшибка, ты потерялся. Время от времени ты отождествлялся то с одним из этих голосов, то с другим. Потом, наоборот дистанцировался от них. Но в целом, ты уже, конечно, не был прежним Данилой.

Я пытался представить, как это — у тебя в голове и твои собственные мысли, и плюс к ним еще два параллельных мыслительных потока. Любой бы с ума сошел! Это все равно что решать математическое уравнение, когда тебе в оба уха диктуют по целому художественному произведению! Как ты это выдерживал? Не понимаю.

Ты превратился в напряженное и задерганное существо. Моментами я смотрел на тебя, и мне хотелось плакать. Правда. Ситуация час от часа становилась все тяжелее и напряженнее. Ты — в помраченном сознании, а я не знаю, что делать.

Я спрашивал у тебя о твоих видениях. Но все без толку. Ты отвечал путано. Ничего конкретного. И тогда я понял, что нужно делать. Голоса не оставляют тебя ни на минуту, следовательно, мне достаточно проникнуть в твое сновидение, и я узнаю, о чем они говорят.

Так мы и поступили. Впрочем, нам обоим это не сильно помогло. Ты был прав — ничего конкретного, просто мыслительный поток. Вот, что я услышал:

«...Он меня спрашивает: "Чего я хочу?", — говорил женский голос. — А я не знаю, чего я хочу. Я хочу счастья. Да, обычного, нормального счастья. Я хочу, чтобы меня любили, я хочу чувствовать себя любимой. Вот мои "хочу". И что дальше?! Что это меняет?

Дурацкий вопрос! Какая разница, чего я хочу?!

Все бессмысленно. Состояние пустоты, одиночества — это как рок, как бремя, как проклятье. Две вещи в жизни женщины абсолютно неизбежны — появление пыли на мебели и разочарование в мужчине. Мужчины — предатели по натуре. Это факт.

Да, может быть, он и прав. Да, я не знаю, чего я хочу. Но я точно знаю, чего я не хочу.

Я не хочу, чтобы кое-кто воспринимал меня как мать своего ребенка. Что это за статус — "мать моего ребенка"? Слово и не человек, а какой-то репродуктивный аппарат.

"Мать моего ребенка"... А как же я? Я, что, больше ничего не значу?..

Холодный взгляд. Ненавижу, когда он так смотрит. Ненавижу эти пустые, тупые и мутные глаза. Он поднимает голову, я попадаю в поле его зрения... И ноль реакции! Зрачок даже не дергается! Пустое место. Я — пустое место. Меня нет. Я так не хочу.

Как же я его ненавижу, когда он так смотрит! Хочется впиться когтями в его физиономию и выцарапать его ужасные водянистые глаза. Когда мне делают маникюр, я смотрю на свои ногти и не могу отделиться от ощущения, что это оружие.

Когда-то я еще надеялась, что со временем он меня поймет. Если любит, то поймет. Но все тщетно. Он примитивен, как, впрочем, и большинство мужчин. Кто же это мне сказал: "Мужчина, способный понять женщину, как правило, живет с другим женщиной"?

Мне просто нужно внимание. Я не требую много. Мне нужно просто внимание. Как жить, если ты не чувствуешь, что о тебе думают, мечтают? Это невыносимо. Цветок не может без солнца, и я не могу без внимания. Это же так естественно...

Я не чувствую себя женщиной. Совсем. Раньше мне казалось, что с е к с — это то, что нас объединяет. Да, это давалось мне с трудом. Но я старалась. Я понимала, что ему это нужно. И я старалась. А он еще обижался, что я не проявляю инициативы... Дебил.

У него неприятный, слишком резкий запах. И член... Висящий, как тряпочка, кусочек кожи. Мужчина оживляется только вслед за своим членом. Член — это его "включатель" и "выключатель". Он приставка к своему члену. Ни ума, ни сердца...

Ему всегда хотелось разнообразия в с е к с е. Я ему подыгрывала. А ведь он даже не догадывается, чего мне это стоило! Он, наверное, воображал себя с е к с-героем: "Смотри, что у меня тут есть..." Дурак. Надо же быть таким примитивным!

Господи, неужели же я когда-то его любила? Любить... Была ли эта любовь? Мне казалось, что была. Нет, мне хотелось думать, что я люблю. Это как игра, когда притворяешься, что кукла живая, а кулич из песка съедобный. Может, другой любви и не бывает?

Нет, ерунда! Я его любила. Конечно! Я постоянно о нем думала. Думала, какая у нас будет красивая свадьба. Как мы будем жить. Как он будет приходить с работы, усталый, а я буду кормить его ужином. Да, я представляла себе прекрасную жизнь...

Он совершенно не оценил моих чувств. Ему на них наплевать. Я могу плакать часами, а он даже не поинтересуется — из-за чего я плачу, почему я плачу. Ему наплевать. Он не сопереживает и не злорадствует. Ему вообще — никак. Он считает, что я живу с ним из-за денег. Какая глупость?! Но даже, если и так... А ради чего с ним еще жить? Что он о себе думает?! Какая женщина будет жить с ним, не ради денег? Из-за него, что ли, с ним жить? Как?!

И вообще, то, что я делаю, разве это ничего не стоит?..

Чем бы он был без меня? Он же ничтожество. Да, какой-то коммерческий ум у него есть. Может быть. Случайно затесался. Но я же всегда была рядом, я поддерживала его, я давала ему силы...

Нет, он просто не понимает, насколько я важна для него, сколько я для него значу. А может быть, и понимает... Понимает, и это его мучает, ущемляет его мужское достоинство. Ему хочется быть царем и богом, но со мной он чувствует себя зависимым.

Мужчины не признают женского ума именно по этой причине. Если они осознают, что женщины умнее, то они просто не смогут жить дальше. Весь их мир рухнет. Предрассудок, будто бы женщина глупее, дает мужчине внутреннее право на "независимость".

что в ней только одно правило — изворачивайся. Что ты думаешь — не важно. Важно говорить, что «нужно» — никаких упоминаний «черного», «белого», слов «да» и «нет».

Удивительная игра. И странная. Я вспомнил своего деда — шамана навахо. Ребенок индейцев учится, наблюдая за своими родителями, за старшими. Его не учат в прямом смысле этого слова. Но я отчетливо помню, как дед рассказывал мне о правилах «Прямого Пути».

Три правила «Прямого Пути»:

Ты молишься, чтобы сказать Богу о том, что у тебя на сердце. Поэтому слушай свое сердце. Сколь бы тяжело тебе ни было — слушай сердце. Иначе ты совершишь Богу.

Не оглядывайся назад — ты должен идти вперед, а не пятиться. Если уж ты решил оглянуться — смотри назад, чтобы лучше видеть то, что впереди.

Трудности — то, что нужно преодолеть. В этом их смысл. Река огибает гору, а океан — покрывает ее, словно песчинку. Будь океаном, и ты освободишься.

— Странная игра, — говорю я тебе. — Помню, я в детстве боялся темноты. И дед спросил меня: «Знаешь, в чем сила Солнца?» Разумеется, я не знал. Тогда он улыбнулся и прошептал одними губами: «Потому что Оно всегда заглядывает в темноту».

Ты задумался:

— А тут, видишь, бегство! Бочком-бочком, а затем — огородами. Она все время говорит: «Кому он нужен? Кому он нужен?», а сама держится за него всеми фибрами! «Кому он нужен?» Я знаю, кому!

В другой раз в твоём сновидении солировал мужской голос:

«...А я ведь когда-то ее любил, — говорил мужчина. — Мне казалось, что мы можем создать настоящую семью. Не то, что у моих родителей. Я думал, мы будем счастливы. Будем заботиться друг о друге, понимать друг друга.

Ее любимая отговорка: "В женщине должна быть загадка". Раньше я действительно думал, что в ней есть тайна. Она казалась мне необычной, не такой, как другие женщины. Но постепенно это прошло. Она — такая же, как и все. Пустая, эгоистичная и взбалмошная.

Бесконечные претензии, обиды. Зачем? Она думает, что я буду стараться ей угодить? Что за глупость?! Когда я вижу весь этот театр — ее недовольную физиономию, надувшиеся губы, искусственные слезы — мне хочется так треснуть ее по башке, чтобы та звякнула и разлетелась во все стороны!

Она просто жилы из меня тянет. Специально, изощренно. Прямо с каким-то садомазохистским удовольствием! В каждой детали — в повороте головы, в интонации, в манере задавать вопрос, даже в головных болях — неприкрытая, выпяченная, раздутая до вселенских масштабов злоба.

Что я ей сделал?! Взял из грязи и сделал королевой? В этом мой проступок?! За что меня так ненавидеть? Причем, на людях — "уси-пуси", Но только мы остаемся один на один, и начинается... Она меня мучает, себя мучает, и главное — ну не из-за чего! Просто ради самого факта! Чтобы было!

Я делаю вид, что мне все безразлично. Говорить с ней — бесполезно, объяснять что-то — бессмысленно, обращаться к здравому смыслу — безумие. Безразличие — вот единственное спасение. А если я включаюсь, я... я... Я не знаю, что я с ней могу сделать! Мне трудно себя контролировать.

Я прихожу домой, как на поле боя. Открываю дверь и думаю: "Что на этот раз?" Мы закатим сцену прямо в прихожей? Или демонстративно не выйдем из своей комнаты, чтобы потом появиться оттуда с излюбленным: "Тебе на меня наплевать!" Или, может быть, мы будем весь вечер и всю ночь умирать от очередного "сердечного приступа"?

— Что на этот раз?! — Она пытается мною управлять. Ей до зарезу нужно, чтобы все было по ее желанию. Но ведь она даже не знает, чего хочет! Поэтому угадать невозможно. Нельзя попасть в цель, которой нет. У нее семь, нет восемь пятниц на неделе! Что она, вообще, может контролировать?! Меня?! Это моя жизнь! Моя!

И она все время врет. Все время. Я слушаю ее, как включенный для фона телевизор. В телевизоре врут. Все, кого я знаю из телевизионных лиц, врут. А кого не знаю, те, уверен, тоже врут. И она врет. Правда, от тех не тошнит. Цель их вранья понятна. Это даже не вранье, это работа. Они деньги зарабатывают. А чего эта врут? До тошноты.

Раньше мне хотелось как-то ее поддерживать, оберегать. Я беспокоился, придумывал ей какие-то развлечения. Я хотел сделать так, чтобы она ни в чем не нуждалась, чтобы она могла жить и радоваться жизни. Но когда я засиживался на работе, она говорила, что я ее не люблю. Когда не хватало денег — что я не могу о ней позаботиться.

Она даже не представляет себе, как мне достаются эти деньги, чего мне это стоит, на какой риск мне приходится идти! Хоть бы задумалась, взяла в голову. Но нет! Ей кажется, что у меня на работе сейф, в котором деньги сами плодятся, как кролики. Трахаются и плодятся! А они не плодятся! Я их зарабатываю!

И тут недавно она меня просто сразила! Наповал. "Ты, — говорит, — всего добился благодаря мне!" У меня челюсть отпала и язык онемел. Даже не знаешь, как на такое реагировать. Я одного не понимаю, как вообще такая ересь может образоваться у нее в голове? Да я вопреки ей всего добился, вопреки! Какое там — "благодаря"...

Когда я первый раз ей изменил? На пятом году? Да, наверное где-то так. У меня был стресс на работе. Мы ухнули гигантский кредит. Разборки, угрозы. Мрак. А она: "Ты уделяешь мне мало внимания... Ты совсем меня не ценишь... Я тебе не нужна..." И за всем за этим: "Дай денег! Дай денег! Дай денег!"

Нужно было сбросить напряжение. Я пошел в закрытый клуб. Ввалился в салон эротического массажа — полуживой, глаз объекты не фиксирует. Меня сразу под белые руки и в отдельную комнату. Молоденькая девочка — глупая, смазливая и се кс уаль ная — облила меня маслом с терпким сладко-пряным ароматом...

Она массировала меня своим телом. Страстно, чувственно, нежно. Я предупрежден: можно все, кроме с е к с а. А я возбудился так, словно мне шестнадцать. Возбуждение шло изнутри, прокатывалось по всему телу огромными волнами. Я ей говорю: "Давай..." и показываю. Она улыбается и прикладывает палец к моим губам — знак, чтобы я молчал.

Она довела меня до высшей точки, а потом легла сверху и массировала *там* грудью. Я кончил. Я выстрелил. Словно какая-то пробка... Она вылетела — со взрывом, на пике. Меня как прорвало — встряхнуло, вывернуло наизнанку.

Через мгновение я вернулся обратно — в тело, в мое ожившее тело. Я переродился, я стал другим человеком. Я начал жить.

Потом мне было стыдно. Мне казалось, что я поступил неправильно, некрасиво. Но это прошло. Ведь ей ничего не надо. Ее целуешь, она словно одолжение тебе делает. А коитус — это уж и вовсе дар небес! Причем, именно "коитус". По-другому и не назовешь.

В общем, после того случая стало удобно. Я пережил свои внутренние терзания, и все наладилось. Я

встречаюсь с женщинами, которые этого хотят. У нас честные отношения — мы знаем, что нам друг от друга нужно. Им — деньги, мне — отдохнуть. Все честно, открыто и просто. Никаких обязательств сверх оговоренных сумм. Все довольны.

Ей я сказал, что у меня импотенция. Очень удобно. Она даже сделала вид, что мне сочувствует. Предложила "полечиться". И с такой миной, будто в дерьме искупалась. Но все красиво — сожаление, беспокойство, "дружеская помощь"... Дура.

Но зато у моей дочери есть семья. Мама и папа...

Я вижу, как Данила старается. Он хочет вспомнить...

— Ничего не вспоминаешь? Данила отрицательно качает головой: «Нет».

— Анхель, — спрашивает он. — А они, эти голоса, они, что, вот так просто говорили во мне и все? Я-то...

— Ты-то! — восклицаю я. — Ты-то ругался с ними.

— Что?! — не понял Данила.

— Ругался, — повторяю я.

— «Прекратите это. Это нужно прекратить?»

Я тебя спрашиваю: «Данила, что? Что прекратить?»

«Ужасно... Такая жизнь — ужасна...» — вот и весь ответ.

— Так чьи это были голоса? — спрашивает Данила.

— В ком Скрижаль была — в мужчине или в женщине? Я смотрю на него и разочаровано мотаю головой:

— Ты думаешь, это все? Об этих голосах пока вообще можешь забыть...

Я промучился с тобой весь день и всю следующую ночь. Ты то и дело вскакивал с места, порывался куда-то идти, что-то делать. Переругивался со своими голосами. Я думал — все. Хоть скорую помощь вызывай.

Пытался с тобой поговорить, а ты в крик. Думал чем-то тебя занять, а ты чуть не в драку. В конце концов мне даже пришлось входную дверь на нижний замок закрыть и ключ спрятать, чтобы ты в таком состоянии не убежал куда-то.

И снова я задремал только к утру, когда ты чуть-чуть успокоился. И снова меня разбудили чуть свет. Звонят в дверь, а я и понять не могу. Нам, как ты знаешь, звонить некому. По крайней мере, мы никого не ждем. Адреса нашего никто не знает. Хозяин квартиры? Но он уехал на год. Кто это может быть?

Встаю, иду к двери. Ключ не могу найти. Хорошо вчера спрятал. Снова звонят:

— Кто там? — спрашиваю. Отвечает приятный женский голос:

— Откройте, пожалуйста! Я к вам по очень важному делу!

Я думаю, что может быть это кто-то из ЖЭКа, или как это у вас называется?.. Труба протекла, крыша улетела...

Ищу ключ. Нахожу. Открываю.

На пороге женщина — лет сорока или, может, сорока пяти. Полная, с тонкими чертами лица, большими почти зелеными глазами. На ней плащ и масса яркой бижутерии. Черные, по всей видимости, крашенные волосы зачесаны назад в кичку.

— Вам кого? — спрашиваю.

— Вы — Анхель? — говорит она почти утвердительно и улыбается.

— Пусть отдохнет. А вы пока не напоите меня чаем?

— Чаем? — я все еще прибывал в абсолютной растерянности.

— Ну, или кофе? Вы же, наверное, больше кофе любите? — она улыбнулась и прошла в кухню.

И знаешь, тут я, вдруг, поверил, что она ясновидящая. Во-первых, как она нас нашла? Нет вариантов. Во-вторых, как она так сразу меня узнала? Не спросила там: «А вы случайно не Анхель?» Слава богу, мои фотографии пока не развешены на досках «Разыскиваются милицией».

В-третьих, даже если все случайность — откуда она знает о твоём существовании? И откуда ей известно, что тебе предстоит сегодня «большая работа». В чем я к этому моменту уже не сомневался. Наконец, как она догадалась, что ты спишь, а я уже две недели категорически не хочу чая? У меня почему-то от него изжога...

Я проследовал за ней на кухню и остановился в дверях.

— Кассандра, вы должны мне объяснить, что... как... — я сбился, глядя в ее немигающие зеленые глаза.

В России говорят: «Ты сначала напои, накорми, баньку растопи да спать уложи, а уж потом и спрашивать будешь», — Кассандра расположилась за столом и продолжала улыбаться. — Вы же так любите Россию! Нехорошо нарушать ее обычаи. И я ведь не настаиваю на всем списке! Просто чаю. Нет, кофе!

— Кофе... — протянул я и автоматически взялся за кофеварку. — Как вы нас нашли?

— Очень просто — увидела, — ответила Кассандра.

— «Увидела» — это в каком смысле?

— Как и все, что я вижу внутренним взором, — объяснила женщина. — Сахара не надо...

— Сахара не надо, — машинально повторил я. — И чего вы хотите?

— Я хочу вам помочь, — ответила она, спокойно и буднично.

— Помочь в чем?

— Я знаю человека, в котором скрыта Скрижаль Завета. Без меня вы все равно его не найдете. А у вас молоко есть?

Это заявление показалось мне столь странным, что я чуть было не опрокинул чашку из-под кофеварки.

— Почему не найдем?

— Потому что он в коме, — ответила Кассандра с тем же спокойствием и с той же уверенностью. — Так я могу рассчитывать на молоко?

Рассчитывать на молоко... — протянул я. — Да, можете.

Я поставил перед Кассандрой прозрачный стакан, налил в него кофе и достал из холодильника точно такой же прозрачный молочник.

— Вот и хорошо. Присаживайтесь, — сказала она. — И вы сможете.

— Что смогу? — не понял я.

— Смотрите внимательно...

Она подняла стакан и молочник над столом, примерно до уровня своего лица. И медленно налила молоко в стакан с кофе. Кофе на моих глазах стало белым. Абсолютно. Как чистое молоко. После этого она стала переливать его обратно в молочник, и там оно стало черным. Абсолютно. Как кофе, никогда не знавшее молока.

Дальше она повторяла эту процедуру раз за разом. Черный кофе то становился белым молоком, то белое молоко становилось черным кофе. Это происходило у меня на глазах! Фантастика! Я был зачарован. Я смотрел на этот танец жидкостей и с каждым новым повторением приходил все в больший и больший восторг.

Кассандра смотрела на меня своими зелеными глазами и улыбалась, как любящая мать, нашедшая способ развлечь своего малыша.

Закончив с этим поразительным фокусом, она достала карты Таро.

— А сейчас я покажу тебе то, что ты давно хотел увидеть, — сказала она.

И карты, словно по мановению волшебной палочки, легли на столе пестрым веером.

Вот — Кассандра провела рукой над картами, и семь из них открылись. — Все семь карт — карты Великих Арканов. Это значит, что расклад окончательный. Вы с Данилой встали на кармический путь, и ваши судьбы больше вам не принадлежат. Вы должны следовать своему кармическому пути. Семь карт: Колесница, Повешенный, Башня, Судный День, Дьявол, Солнце и Дурак.

Я уставился в эти карты.

— Видишь, — говорит Кассандра. — Солнце противостоит Дьяволу, светлая сторона — темной. Солнце — путь к свету и ясности. Утверждение Истины подобно восходу солнца. Дьявол — темная сторона силы. Самый изощренный из трюков Дьявола — это убедить нас в том, что его нет, что он выдумка. Но Зло, как его ни назови, существует.

И вот они стоят — друг напротив друга — Солнце и Дьявол. Две части одной души. Только победа над Дьяволом в себе пробудит внутреннее солнце. И без Дьявола не было бы этой победы, ибо он та сила, что вечно хочет зла и вечно совершает благо. Да, Анхель, это ваша с Данилой борьба...

В это трудно поверить, но я увидел, как на поверхности карт началось движение. Краски словно ожили и начали плавно перетекать одна в другую. Подсолнухи, нарисованные на карте «Солнце», стали раскачиваться из стороны в сторону. И через мгновение я увидел Источник Света — две яркие, закрученные одна в другую спирали света. Потрясающее зрелище! Я был заморожен и ослеплен. Маленький мальчик улыбнулся мне с рисунка, словно послал солнечный зайчик.

— Это ребенок, скрытый в сердце каждого человека — невинный, добрый и открытый, — послышался откуда-то сверху голос Кассандры.

И тут молодой человек, изображенный на карте «Дьявол», скованный по рукам и ногам цепями, сжался от боли. Я отчетливо ощутил запах паленой кожи, услышал стоны и крики о помощи. Выжженная на груди этого мужчины пентаграмма на моих глазах превратилась в язву. Через образовавшуюся дыру в его теле проступили очертания черного, смоляного сердца. Темная, бурая кровь пенилась. Стало жарко, меня бросило в пот. Теперь уже и мое сердце забилося с бешеной скоростью.

Кассандра провела рукой у меня перед лицом.

— Силы мудрости, — сказала она, — удерживают натиск темных сил. Но кто победит в этой битве? Тот, кто первым получит Скрижаль Завета. Видишь следующую карту — это Колесница. Древние говорили — для того, кто познал самого себя, жизнь подобна несущейся вперед колеснице. Но есть секрет — каждый делает свой выбор, выбирая между Большой и Малой Колесницей.

Если мы встанем на путь Малой Колесницы, то наша жизнь будет простой и спокойной. Это жизнь обывателя, который живет, как червь, и умирает червем. Тебе же, Анхель, выпала карта Большой Колесницы.

Вставшему на ее путь предстоят великие страдания. Но и великие свершения лежат только на этом пути.

Это огненная колесница Шивы, дарующего миру смерть и новое рождение. Это колесница египетского бога Ра, чье движение по небесному своду отделяет день от ночи. Именно эта колесница унесла пророка Илию в рай. Управляя этой колесницей, Фазтон пытался доказать олимпийским богам свое божественное происхождение. Ты видишь этих богов?

— Да, вижу! — я действительно видел все, о чем рассказывала мне Кассандра.

Потрясающие картины открывались моему взору. Повозки, запряженные невиданными животными, мчались по небесному своду. В них — божества, облаченные в светящиеся одеяния, овеванные славой и пульсирующей вокруг гармонией.

— Другое название этой карты — «Поиски Грааля». Эта карта символизирует ваши с Данилой поиски Скрижалей Завета. У нее номер семь. А семь — это тройка и четверка. Она символизирует связь духа и материи. Если тебе выпадает эта карта, это значит, что ты ищешь выход из замкнутого колеса причин и следствий. Успех, которого ты достигнешь, будет результатом твоих усилий, а не случая. Именно поэтому Скрижалей Завета — семь.

Перед моими глазами поплыли тексты четырех, уже найденных нами, Скрижалей.

— Что ты видишь? — спросила Кассандра.

— Я вижу тексты Скрижалей...

— Прочти их, — приказала она.

И только я собирался сделать это, как вдруг запаниковал. Нет, мы же решили не произносить их вслух до тех пор, пока не будут найдены все семь Скрижалей! Зачем она просит меня об этом? Я открыл глаза...

— Нет, — четко и жестко ответил я. — Господи, я, что, сидел с закрытыми глазами?! Что со мной такое случилось?! Как я видел эти карты?

— Внутренним взором, внутренним взором, — ответила Кассандра. — Мы называем его экстрасенсорным чувством. Но не будем прерываться. Это только начало расклада. Смотри, за картой Колесницы идет карта Судного Дня. Скрижали Завета — то, с чем мы придем к нашему Судному Дню. Если они достанутся человечеству, смерть мира станет его новым рождением. Но если тайной спасения завладеет Тьма, то Суд будет страшен. Вот почему справа и слева от этой карты Башня и Повешенный...

— Что это значит? — я испугался.

— Ты прав, Анхель, это страшные карты, — ответила Кассандра, и ее зеленые глаза блеснули. — Как у придорожного камня в русской сказке: «Направо пойдешь — коня потеряешь, налево пойдешь — сам не вернешься». С одной стороны у тебя Повешенный, а с другой — Башня. Башня символизирует разрушение.

Символ Башни довлел над Вавилоном и Содомом, над падшими стенами Иерихона и Трои. Это символ Конца. Мы строим, но что наше строительство сегодня, если не будущее разрушение? Мы разрушаем, но создадим ли мы что-то, что восполнит возникшую пустоту? Циклы рождения и смерти властвуют не только над людьми, но над городами, странами и целыми цивилизациями.

На карте Башни была изображена крепость, рассеченная пополам гигантской молнией. Я увидел, как небо заволочло тучами, услышал грохот грозовых раскатов, почувствовал духоту и едкий запах серы. Панический ужас, словно дикий голодный пес, стал изнутри рвать меня на части. Нам предстоит выбор — смерть или смерть во спасение.

— А вот Повешенный, — Кассандра провела картой у меня перед глазами. — Это символ добровольно принятой на себя муки. Посмотри, вот мужчина, он подвешен головой вниз между двух деревьев. Одной ногой он привязан к перекладине, другая сгибается, образуя крест. А в руках у него два мешка, из которых сыплется золото. Жертва не бывает бесплодной.

Номер этой карты — двенадцать. Число двенадцать символизирует собой дух, распятый на материи. Это жертва, принесенная во имя мудрости, освобождения и просветления. Но победа не будет скорой. Повешенный болтается между небом и землей. Это состояние неприкаянности. Вы с Данилой взяли на себя эту роль. Ваша жертва не будет бесплодной, но это жертва.

(Книга из электронной библиотеки неПУТЬёвого сайта <http://ki-moscow.narod.ru>)

Я почувствовал, как мое тело поднимается вверх и висит над пустотой. Неловкое, пугающее состояние. Нет опоры, нет уверенности, надежности. Все зыбко. Царство неопределенности и риска. Я отчетливо ощутил необходимость помощи, что мы с тобой нуждаемся в помощи.

— Сейчас вы нуждаетесь в помощи, — сказала Кассандра, словно читая мои мысли. — На это указывает Дурак — последняя из семи карт расклада. Дурак — это ноль, такова цифра этой карты. Ничто, пустота. Расклад завис. Нужна внешняя сила. Вот почему я пришла к вам с Данилой. Я пришла, чтобы помочь...

— Анхель, она же тебя просто загипнотизировала! — воскликнул Данила и дернул рукой.

Его чашка опрокинулась и вязкая кофейная гуща зловецю растеклась по столу.

Два черных крыла. Плохой знак. Данила посмотрел на меня, затем в окно — на наших преследователей.

— Пойдем, пройдемся, — сказал он. — Не будут же они за нами таскаться.

— Это как-то глупо.

Ускорим встречу, раз она все равно неизбежна. — Загипнотизировала, — протянул я.

— Да, Данила, ты был уверен в этом с самого начала.

— «Ведьма» — вот, как ты ее называл.

— Но откуда мне было знать, кто она и чего хочет?

— Где гарантия, что ты не ошибся в своих предчувствиях?

Я перезаряжаю кассету в диктофоне и продолжаю рассказывать.

Дурак, говорите? Очень интересно. Нуждаемся в помощи? Приятно слышать... — Данила, ты стоял в дверях и как-то совсем не по-доброму иронизировал. — Анхель, что здесь происходит?!

Ты меня спрашиваешь, а я уставился на тебя, как баран на новые ворота, и не понимаю, что происходит.

— Данила, — протянул я, — это Кассандра. Она пришла нам помочь. Она знает, где человек с пятой Скрижалью.

— Да неужели?! — ты наигранно всплеснул руками.

По лицу Кассандры пробежала едва заметная тень. Ты смотрел на нее напряженно и даже зло. А я находился в полной прострации, в плену только что увиденных мною образов. И даже не понял, что между вами происходит.

— Данила, не кипятись... — попросил я. — Кассандра — ясновидящая. Это совершенно точно, поверь мне!

— И что? — ты буквально буравил ее взглядом.

— Данила, — пропела Кассандра. — Я догадывалась, что у вас возникнут сомнения...

— Я просто не понимаю, что происходит! — ты прервал Кассандру, подсел к столу и взглядом буквально пригвоздил ее к стене. — Кто вы? Откуда вы о нас знаете? Как вы к нам попали?

Причина твоей агрессии была мне понятна. Этой ночью ты меня чуть в порошок не стер, что уж говорить о незваных гостях. Мне стало за тебя неловко, и я попытался вступить за Кассандру:

— Данила, пожалуйста! Она ясновидящая. Я же тебе сказал. Это ответ на все твои вопросы.

— А я не верю, Анхель! Понимаешь?! — теперь ты уставился на меня. — Я не понимаю, как это возможно, и я не верю. Кто может знать, в ком скрыта Скрижаль Завета?

— Данила, вы уже однажды не поверили знакам. И чем это закончилось? — в голосе Кассандры отчетливо лягнули металлические нотки.

Я напрягся. Кем бы ни была эта женщина, она не имеет права упрекать тебя в прошлых ошибках. Но я списал реакцию Кассандры на общую напряженность ситуации. Все-таки она женщина, гостя...

Ты же еще больше ошетинился:

— Во-первых, не закончилось. А во-вторых, с тех пор многое изменилось.

— И все же... — Кассандра, к моему удивлению, продолжала настаивать.

— Кто вы?! — на этот раз ты не просто спрашивал, ты требовал ответа.

— Я президент Всемирной Академии Астрального Знания, — представилась Кассандра, отчаянно борясь с собственным раздражением.

— Ааа, — протянул ты. — ВАЗ, значит...

— ВААЗ — огрызнулась Кассандра.

Хорошо. Очень хорошо, — ты покачал головой и вышел из кухни.

— **К**ассандра, я прошу прощения за моего друга. Когда у него начинаются видения, он всегда такой... Ну, раздражительный, что ли. Ничего не поделаешь. Не принимайте близко к сердцу.

Судя по реакции Кассандры, мои извинения были приняты.

— Я все понимаю, все понимаю, — она покачала головой.

— И...

Я не знал, как ее спросить. Но мне хотелось развеять свои сомнения.

— Спрашивайте, не стесняйтесь, — поддержала мое намерение Кассандра.

— И я бы хотел узнать...

— Да, узнавайте! — она доброжелательно улыбнулась.

— Какой у вас план? — это была самая деликатная формулировка мучившего меня вопроса.

План, Анхель, — сказала Кассандра, — очень простой. Я покажу вам человека, в котором, *как мне кажется*, спрятана Скрижаль. Если он вам «не подойдет»... Ну что ж, значит, я ошиблась. А если я права (а я думаю, что я права), вы будете вознаграждены за свое доверие и открытость. Вы же сами пишете об этом в своих книгах.

— В моих книгах?.. — я только успокоился и тут же снова напрягся. — Вы их читали?!

Действительно, все, о чем она рассказывает, нетрудно узнать из моих книг. И тогда, возможно, ты, несмотря на свое состояние, прав. Мы оказались жертвами какого-то злого умысла...

— Ну, конечно! — рассмеялась она. — А как вы думали? Неужели вы полагаете, что я бы пришла к вам на встречу, не прочитав ни одной из ваших замечательных книг? Этому же требуют банальные правила приличия! Вот, если бы вам предстояло со мной встретиться, и вы бы знали, что я написала какие-то книги, неужели бы не навели справки? Я думаю, обязательно бы навели. Это ведь так естественно...

— Действительно, — я согласился.

Это вполне естественно, что она читала мои книги. Да и не все, о чем она говорит, в них есть. Что ей позволило так сразу меня узнать? Откуда ей известен адрес этой квартиры? Как, наконец, она догадалась о том, что именно сейчас у тебя начались видения?

— И весь этот карточный расклад... Очень точное описание ситуации. То, что я видел, было фантастическим переживанием. Не может быть, чтобы я так жестоко ошибся. Да, все мои опасения — скорее всего, просто паранойя.

— И где... Где этот человек? — спросил я.

— Он у меня в Академии, — ответила Кассандра.

— И он готов с нами встретиться? Кассандра удивленно посмотрела на меня: ~ Готов?.. Он же в коме!

— Ах да, что-то я... Хорошо. Побудьте здесь, я пойду, поговорю с Данилой.

Я встал и направился в комнату.

— Стоп! — я обернулся. — А как же с ним говорить, если он в коме?

— Внутренним взором, — улыбнулась Кассандра. — Внутренним взором. Экстрасенсорное чувство...

— Ах, да...

Данила, ты сидел в своей комнате на диване

и выглядел как человек которому смертельно хочется спать, но он из последних сил борется с этим искушением. Ты оперся локтями на колени, уронил голову в ладони и медленно раскачивался из стороны в сторону.

— Данила... — позвал я.

Ты опустил руки, поднял голову и посмотрел мне в глаза. Я понял, что ты пришел в себя. Но надолго ли?

— У меня плохое предчувствие, Анхель, — сказал ты. — Плохое предчувствие...

— Данила, ты же знаешь, это всегда так бывает, — ничего более вразумительного в тот момент я тебе сказать не мог.

Ты задумался:

— Тут что-то другое... Она спрашивала тебя о моих видениях?

— Нет.

— А о текстах Скрижалей?

— О текстах Скрижалей? — удивился я. — Да, спрашивала. Но я не стал говорить.

— Это хорошо, — протянул ты. — Анхель, а как тебе кажется, зачем они ей нужны?..

— Ну, мало ли. Интересно, — предположил я, мне это казалось вполне естественным. — В конце концов мы же можем не говорить...

— Кто-то, кажется, утверждает, что она ясновидящая?.. — ты скривил улыбку и посмотрел на меня испытывающим взором.

Я сел рядом с тобой на диван и закрыл глаза. Хочешь решать сам — решай. В конце концов ты у нас главный, а я только «служба обеспечения». Да и голова у меня как-то отяжелела после разговора с Кассандрой.

Чем дальше мы продвигаемся в поиске Скрижалей, тем серьезней препятствия и выше риск. Но все же, мне казалось, в данном случае ты явно преувеличиваешь опасность. Я пытался понять, отчего ты так тревожишься? Может быть, рассказать тебе о раскладе?

— Данила, она сейчас сделала расклад Таро, — сказал я. — И знаешь, он очень четко описывает нашу с тобой нынешнюю ситуацию.

— Таро? — переспросил ты. — Это те картинки, что лежали на столе?

— Да.

— И что это такое?

Это трудно объяснить, но я попытался:

— Таро — это карты, которые используют ясновидящие, чтобы открыть тайну и скрытый смысл прошлого, настоящего и будущего.

— И что там выпало, на этих картах? — недоверчиво спросил ты.

— Выпало, что мы находимся в замешательстве. Что сами не можем справиться с ситуацией. И ведь это именно то, что ты сейчас чувствуешь — в твоих видениях нет никакой определенности!

— Ну, знаешь! — отрезал ты. — Таким ясновидящим и я бы мог работать! Нам поначалу всегда было трудно найти зацепку.

— Данила, а что если она все-таки права?

— Анхель, ты подумай сам: откуда она может знать, в ком спрятана Скрижаль? Об этом — Могу догадаться — у меня знаки, у меня видения! Причем, именно — догадаться. А знать, знать это может только... Тут ты посмотрел мне в глаза тяжёлым, сосредоточенным взглядом.

— Тот, кто ее туда спрятал?.. — я вдруг понял, что тебя так беспокоит, у меня аж язык занемел. — Тьма?..

Ты встал, подошел к окну и оперся на подоконник.

— Анхель, если все это — только ее пресловутое ясновидение, почему она не скажет, какие у меня сейчас видения?

— В вас говорят два голоса — мужской и женский, — раздалось из коридора.

Кассандра открыла дверь в комнату.

— Поедемте. Я прошу вас...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

— Анхель, только, пожалуйста, не говори мне, что, мы поехали с этой ведьмой... Я пожал плечами:

— Данила, ты смешной! А что было делать?!

— Безумие, безумие... Это ее тип? — пробормотал Данила, показывая на преследующие нас машины. Я снова пожал плечами: — Похоже на то. — Так, Анхель, давай попробуем от них оторваться. Мы перешли проспект по подземному переходу в месте, где он был разделен двойной сплошной. Машины развернулись, вопреки правилам, и продолжили следовать за нами. Мы нырнули во дворы и пробежали насквозь несколько улиц. На выходе нас уже ждали. Данила по памяти сличил номера:

— Послушай, машин больше, чем две...

— Тогда в метро? — предложил я. Мы добрались до метро и вошли внутрь.

Шесть или семь человек в серых костюмах спокойно, не торопясь, вышли из двух машин и последовали за нами под землю. — Господи, — Данила продолжает сокрушаться.

— А я-то как это все допустил?!

— Да ладно... У тебя на тот момент в голове базарная площадь была — крики, ругань, выяснение отношений.

Всемирная Академия Астрального Знания находилась в пятнадцати минутах от городской черты, в аккуратном двухэтажном особняке с двумя флигелями. Перед ним — небольшой, круглый фонтан. Вокруг лес, тишина, птички поют. Абсолютная умиротворенность.

— Хорошо живем, — протянул ты, когда мы покатали на мерседесе Кассандры к парадному входу.

— То, что мы здесь делаем, очень важно, — с чувством собственного достоинства произнесла Кассандра.

Ты иронично парировал:

— Ничуть в этом не сомневаюсь! Кассандра в ответ только улыбнулась.

— Добрый день! — нас приветствовал дворецкий в костюме-тройке. — Пройдете в конференц-зал?

— Все уже собрались? — спросила она.

— Да, все в зале, — дворецкий учтиво кивнул головой.

— Тогда хорошо, — ответила Кассандра и знаком предложила нам следовать за ней.

Ты замер на месте, как вкопанный:

— Что значит «все»? Анхель, нам, кажется, обещали показать одного человека.

— Да, — подтвердил я.

— Пожалуйста, не противьтесь, — попросила Кассандра.

— Или вы сейчас же показываете нам этого своего «товарища», или мы с Анхелем уходим.

У тебя был такой вид, что Кассандра, видимо, решила больше не испытывать твое терпение:

— Хорошо, хорошо... — она демонстративно сдалась, и, обратившись к дворецкому, добавила. — Мы пройдем в правый флигель.

— Как вам будет угодно, — поклонился тот.

Мы прошли в комнату, расположенную в самом конце длинного коридора. Стены обиты тканью, старинная мебель, бронзовые канделябры. Окна занавешены тяжелыми портьерами. В центре комнаты большая кровать под балдахином.

Двое мужчин в белых халатах поднялись со своих мест возле кровати. Один — долговязый, светловолосый, в очках. Другой — китаец или кореец, маленький и коренастый. Кассандра поблагодарила их кивком головы, и они вышли в коридор.

— Гаптен, ты здесь? — не то позвала, не то спросила Кассандра.

— Да, — послышалось из глубины комнаты.

— Господа, — Кассандра обратилась к нам. — Позвольте представить вам Гаптена.

— Но... — не понял я. — Он же должен быть в коме.

— Гаптен — ученик Серафитуса, а сам Серафитус, действительно, в коме, — пояснила Кассандра и приподняла край балдахина, который до сих пор скрывал от нас кровать.

Ужасное зрелище. В окружении самой современной медицинской аппаратуры — каких-то дисплеев, датчиков, шлангов, адаптеров и проводов — лежал чудовищно изуродованный человек. Казалось, на нем не осталось живого места. Он напоминал оплывшую восковую свечу.

От неожиданности и тяжести этой картины мне стало дурно.

— Что вам здесь надо? — молодой человек одернул балдахин и загородил собою путь к кровати. — Кассандра, вы и из смерти Серафитуса хотите сделать спектакль?

— Гаптен, пожалуйста, не начинай это. Ладно? — презрительно отрезала Кассандра. — Это Анхель и Данила. Ты знаешь, они здесь по решению Совета.

Гаптен, на вид ему было лет двадцать, от силы — двадцать пять, уставился на тебя своими большими, выразительными глазами.

— Вы — Данила? — спросил он.

— Да, я Данила, — ответил ты.

— Как вас угораздило быть здесь? — в голосе Гаптена звучало истинное удивление.

— Я, собственно, — ты стусевался. — Нам обещали...

— Гаптен, расскажи гостям о своем *учителе*, — приказала Кассандра и отошла к окну.

— Что с ним? — почти прошептал я.

Гаптен как будто не услышал моего вопроса. Мне показалось, что он сделал это намерено. Словно хотел сказать нам: «В данных обстоятельствах отвечать на этот вопрос я не буду, или не могу». Но что это за «обстоятельства»?

— Серафитус — мой Учитель, — после того, как Кассандра отошла в сторону, Гаптен говорил доброжелательно и открыто. — Он — последнее воплощение Эммануила Сведенборга.

— Чье воплощение? — переспросил ты.

— Эммануил Сведенборг — пророк, живший в Швеции в XVIII веке, — пояснил Гаптен. — Он последний из смертных, на кого снизошел Святой Дух с Божественным Откровением. Через это Откровение Сведенборг создал тридцать книг, которые последовательно описывают устройство потустороннего мира — мира Ангелов.

— А ваш Учитель, он — воплощение этого Сведен... — ты запнулся.

— Сведенборга, — подсказал Гаптен.

— Понятно, — отрубил ты, что прозвучало в адрес Гаптена как диагноз клинического сумасшествия.

— А сам Сведенборг чье воплощение, позвольте узнать?..

— Сведенборг? — уточнил Гаптен.

— Он самый.

— Сведенборг воплощение Святого Иоанна Богослова, любимого ученика Христа.

Да неужели?! — с издевкой воскликнул ты.

Данила, — Гаптен говорил открыто, уважительно и как-то очень по-доброму, — я понимаю, что поскольку вы здесь, вы в непростой ситуации... Но это не дает вам права шутить ни надо мной, ни над моим Учителем. Я отвечаю на ваши вопросы, потому что уважаю вас. И рад, если могу быть вам чем-то полезен.

Но я отвечаю на них, исходя из своих знаний. Вы можете подвергать их сомнению. Вы можете думать, что я заблуждаюсь. Вы можете относиться к моим словам, как угодно. Это ваше право. Но если вы спрашиваете меня, я отвечаю вам в соответствии с моими знаниями. Я отвечаю то, что я думаю, что знаю и чему верю. Я честен с вами.

Данила, он вогнал тебя в краску! Тебе стало неловко. Право, этот парень говорил с таким уважением — к нам и к самому себе...

— Я, видимо, должен извиниться, — сказал ты.

Извиниться? — удивился Гаптен. — Я не обижен и сожалею, если чем-то задел вас. Даже если бы вы меня и обидели, зачем мне ваши извинения? Это ведь ваша жизнь и ваши поступки. Мы делаем свою жизнь своими поступками. И если поступаем неправильно, то затем сталкиваемся с неприятностями. Таков закон. А как поступать — правильно или неправильно? Здесь действует свобода выбора.

Ты слушал Гаптена и все больше доверялся ему. Этот молодой человек говорил так, словно хотел помочь, не желая при этом навязывать свою помощь. Тонко и деликатно, без тона обвинения или осуждения в голосе. Но в то же время — прямо и честно.

— Вы меня совершенно смущили, — сказал ты, — Действительно, простите меня, я не хотел... Короче... Спасибо. Вернемся к...

— Если вы позволите... — Гаптен вдруг перебил тебя, чтобы не забыть что-то очень важное.

— Да, конечно.

— Когда вы так говорили... — начал Гаптен.

— Да, я все понял. Простите меня, — быстро ответил ты, явно намереваясь поскорее закрыть эту

неприятную для тебя тему и вернуться к разговору о Серафитусе.

— Нет, я не к тому, — улыбнулся Гаптен, — Когда вы так говорили, вы же не хотели меня обидеть, вы защищались. Подумайте о том, почему вы защищались.

— Я — защищался? — ты как-то даже обомлел от этого вопроса.

Извините, что я говорю об этом, — Гаптен смутился своей настойчивости. — Вам некомфортно, когда вы сталкиваетесь с вещами, которые вам непонятны. И вы начинаете шутить, иронизировать. Вы защищаетесь. Но если вы не будете защищаться, а признаете свое незнание, тогда вы сможете узнать. Ну или, по крайней мере, составить более-менее точное представление о предмете. Это очень важно. Правда открывает путь. Правда по отношению к себе...

И в этот момент, Данила, с тобой что-то стало происходить. Я не знаю, что именно. Но, видимо, это было связано с голосами, звучащими в твоей голове.

Твой взгляд не остекленел, как было до этого. Он словно ушел внутрь. Мне показалось, ты сознательно его туда направил. Так или иначе, чтобы не вызвать подозрений по поводу твоего состояния, мне пришлось продолжать этот разговор одному.

— Расскажите о Сведенборге, — попросил я.

— Из Божественного Откровения Сведен- борг узнал, что существует два параллельных мира. Один — натуральный, и здесь все смертно, а Солнце мертво. Другой — духовный, в нем Солнце — это теплота Божественной Любви и свет Божественной Мудрости. Духовное Солнце существует в атмосфере, которая есть Божественное Служение...

— Понятно, — сказал я, из чего можно было сделать вывод, что мне ничего не понятно, — к чему? Зачем? О чем?..

Гаптен посмотрел на меня и решил хоть как-то упростить свое изложение:

— Мы живем в натуральном мире, а в духовном мире живут Ангелы. От Божественной Любви каждому человеку дана воля. От Божественной Мудрости — рассудок. Если вы употребляете свою волю и свое разумение во зло, вы создаете Ад. Если вы употребляете свою волю и свое разумение для служения Богу, вы становитесь Ангелом.

— Ангелом? — уточнил я. — Это как?

— Вы все больше и больше переходите из мира натурального в мир духовный. И если прежде вам светило мертвое Солнце, а вы были смертны, то при переходе в духовный мир, ваша жизнь озарится Солнцем Божественной Любви и Божественной Мудрости.

— Бессмертие? — снова уточнил я. Гаптен кивнул головой в знак согласия.

— Гаптен, а почему вы думаете, что в этом человеке, в вашем Учителе, в Серафитусе, скрыта Скрижаль Завета?

— Я так не думаю... — улыбнулся Гаптен. — Они так думают.

Он бросил взгляд в сторону Кассандры, которая все еще стояла у окна.

— А почему они так думают? — спросил я шепотом.

— Они...

Гаптен протянул это «они» особенным образом. Так говорят в случаях, когда ситуация не предполагает откровенности. Я кивнул ему головой — мол, понятно, «продолжаем разговор».

— Гаптен, у Данилы голоса, — продолжил я, — два голоса — мужской и женский. Мы знаем, что это как-то связано со Скрижалю, но не знаем, как именно. Нас пытаются убедить, что Серафитус...

— Анхель...

Я вздрогнул. Голос Кассандры раздался у меня из-за спины. Как она успела пройти мне за спину, я не понял.

— Гаптен не говорит вам всей правды, — она продолжала говорить мне в спину.

Я обернулся, чтобы видеть ее лицо:

— В каком смысле?

— Это долгая история. И вам этого знать не обязательно. Факт в том, что у Ангелов, которые населяют параллельный нашему, духовный мир, нет пола. Они не мужчины и не женщины, они — Андрогины. А мы с вами, как вы знаете, мужчины и женщины. При переходе из этого мира в тот, о чем вам сейчас рассказывал Гаптен, у человека исчезает пол. Точнее сказать, у него появляется второй пол. Он становится двуполым — мужедевой, — Кассандра не по-доброму посмотрела через мое плечо на Гаптена. — Я все правильно излагаю, дружок?..

— Да, — сухо ответил Гаптен.

— Ну, вот видишь... — отрезала Кассандра и продолжила: — Серафитус, которого еще зовут Серафита, потому что он мужедева, почти Ангел. Так?..

Кассандра снова смерила взглядом Гаптена. Я обернулся, чтобы посмотреть на него. Молодой человек выглядел раздавленным, словно его уличили в какой-то непристойности. Человек, которому нечего скрывать, выглядел бы иначе.

И тут я совершенно перестал понимать, что происходит. Очевидно, здесь идет какая-то игра. Но какая? Кто в этой игре «хороший», а кто «плохой»? И главное — идем ли мы по ложному следу, или Скрижаль действительно здесь — в этом Серафитусе?

Тем временем Кассандра продолжала:

— У Данилы два голоса — мужской и женский. А Скрижаль должна быть в одном человеке... Ведь так до сих пор было?

— Да, — я согласился.

Действительно, раньше видения Данилы всегда были связаны с одним человеком, исходили от одного человека, из того, в ком и была Скрижаль. То, что сейчас голосов два, нас с тобой смущало с самого начала.

— И Данила, я вижу, согласен, — добавила Кассандра. — Эти два голоса, на самом деле, внутренний монолог одного человека — Серафитуса, или Серафиты. Это, как вам будет угодно...

«Данила, я вижу, согласен» — пронеслось в моей голове. Я повернулся к тебе и увидел — ты стоишь, как истукан. Ты и не согласен, и не несогласен, тебя просто нет с нами. Ты сейчас весь в своих голосах! Она — «ясновидящая» — не заметила этого!

Пройдите в мой кабинет, — предложила Кассандра. — Нам нужно поговорить.

Я сразу же согласился. Она повернулась к двери, я незаметно взял тебя за руку и повел за собой. Мы прошли по одному коридору и только свернули в другой, как тут же уткнулись в дверь. Кассандра открыла ее ключом:

— Прощу вас...

— Только после вас, — сказал я, боясь показать ей, что ты ходишь у меня как привязанный.

Кассандра вошла внутрь, мы проследовали за ней. И пока она обходила свой стол, я усадил тебя в ближайшее кресло.

— Садитесь, пожалуйста, — сказала она, когда мы оба уже сидели.

— Спасибо! — ответил я.

Увидев нас обоих в креслах, она несколько удивилась «пронируемости» своих гостей, но ничего не сказала. Повисла пауза. Кассандра достала странные, длинные папиросы и предложила нам закурить. Я за нас двоих отказался.

— А я, с вашего позволения, закурю, — сообщила Кассандра, вставила папиросу в длинный, отделанный перламутром мундштук, и чиркнула спичкой.

Я огляделся по сторонам. Сумрачно, окна занавешены. Книжные полки по стенам, большие, потемневшие от времени картины в массивных рамах. Огромный, заваленный бумагами и какой-то мелочью дубовый стол, обитый сверху зеленым сукном. Кожаные кресла. Старинный камин в дальней части комнаты.

— Теперь вы знаете человека, в котором скрыта Скрижаль Завета, — в почти ультимативной форме сообщила Кассандра.

Но я тут же ее оборвал:

— Простите, мы этого не знаем.

— Это же совершенно очевидно! — Кассандра продолжала настаивать. — Во-первых, Данила слышит голоса мужчины и женщины. И я показываю вам человека, который достиг такого уровня духовного развития, что в нем, действительно, на равных существует мужское и женское начало. Во-вторых, по своему духовному статусу — кому, как не Серафитусу, быть Избранным? И наконец, в-третьих, разве вы не видите, в каком состоянии он находится?! Это случилось несколько дней назад. Очевидно, что Тьма пытается забрать его у нас вместе со Скрижалю!

Факты выглядели правдоподобно. Но кроме пресловутого «вполне может быть», доказательства отсутствовали:

— Нет, Кассандра. Всё это притянута за уши. Я понимаю, что вам бы хотелось думать, что это как раз *тот* человек... Но то, что слышит Данила, вовсе не ангельские речи!

— Важно не то, что слышит Данила, а что стоит за тем, что он слышит, — оборвала меня Кассандра. — Когда Дух проявляет Себя, Он приобретает черты того, через кого он исходит. Дух не может говорить, Он нематериален. Он, в каком-то смысле, пустота. И конечно, Он подыскивает обличив. То, что слышит Данила, — образы его собственного сознания, но через эти образы в нем говорит Дух. И это дух Серафиты-Серафитуса.

Логика ее аргументов казалась мне все более и более убедительной. Но логика — это еще не доказательства.

— Как бы там ни было, — сказал я, — к ангелам эти голоса не имеют равным счетом никакого отношения...

— Не к ангелам, а к сущностям, — уточнила Кассандра, оправляя браслеты на своих белых запястьях. — В Даниле говорят мужская и женская сущности Серафиты-Серафитуса. Женская сущность — сильна и агрессивна. Это ее истинное лицо. Мужская сущность, напротив, слаба и пассивна.

Странно. Женский голос, действительно, звучал в тебе агрессивно, а мужской — пассивно. Но сама эта

мысль Кассандры показалась мне странной:

Вы ничего не пугаете? Это мужская сущность должна быть сильной и агрессивной, а не женская.

Кассандра рассмеялась. Я впервые услышал ее смех. Он испугал меня — гортанный, низкий, словно механический.

— Не думала, что вы, Анхель, окажетесь заложником социальных стереотипов! Это в женщине заключена истинная сила! В женщине! Она — Праматерь, она — Начало Жизни, она — подлинный Источник Бытия. Что такое Христос, в сравнении с Девой Марией?! Ребенок — на руках Вечности!

Тут Кассандра подняла голову, и я наконец понял, что изображено на картине у нее за спиной. Это была Мадонна, держащая на руках снятое с креста тело Иисуса. Время и многие слои положенного поверх масляных красок лака почти украли изображение. Но теперь оно вдруг стало явным, словно высвеченным изнутри: изуродованное мужское тело, мертвец на руках у молодой и прекрасной женщины. Мертвый младенец в объятиях вечной Жизни.

Я почувствовал, как дрожь пробегает у меня по телу.

— Анхель, — продолжала Кассандра, — разве нужно было бы учить мальчиков силе и решительности, если бы они от природы были такими? Нет. А разве учили бы девочек быть слабыми, если бы эта черта была с ними от рождения? Нет. Истина в том, что женщина — это сила и власть, а мужчина — слабость и податливость.

В женщине — терпение, смирение. Но в ней есть и настойчивость! Она всегда добивается того, чего хочет. А мужчина, напротив, хочет того, чего добивается. Если он видит недостижимую для него цель, он говорит: «Мне это не интересно». На самом деле, он расписывается в собственном бессилии и оправдывает себя.

Мужчина всегда воюет, и это свидетельство его слабости. Женщина — примиряет, и тем дает нам пример истинной силы. Христос учит смирению: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю». И говорит Он о силе, которая заключена в женщине. И потому женщины раньше мужчин узнают о Его воскресении!

Я сидел перед Кассандрой, словно в воду опущенный. Она подавляла мое сопротивление, она убеждала меня! А я поддавался, я тоже начинал так думать. Женщина, действительно, сильнее мужчины. Именно она продолжает жизнь, и было бы странно, если бы природа дала мужчине больше силы, чем ей.

— Истинная сила всегда скрыта, — продолжала Кассандра. — Но в *Том* мире, в мире Духа, тайное становится явным, а скрытое — очевидным. И если здесь женщина кажется слабой, то *Там* ее сущность — власть и сила. И если мужчина здесь выглядит сильным, то *Там* его сущность — слабость и податливость...

— Что с ним? — ты пришел в себя и с напряжением смотрел на Кассандру.

Она опешила и замешкалась:

— С Серафитусом? — Да.

— В тайном Евангелии апостол Фома говорит: «И сказал Иисус Христос ученикам своим:

"Когда сделаете вы два одним, и когда внутреннее станет внешним, а внешнее внутренним, и верх низом, и когда сделаете вы мужчину и женщину единым, так что не будет мужчина мужчиной, а женщина женщиной, тогда войдете вы в Царство"».

Конечно, церковь замалчивает это Евангелие...

Ты прервал ее и жестко повторил свой вопрос:

— Я спрашиваю, что случилось с тем человеком...

— У Серафитуса это получилось. Как и заповедовано, он сделал мужчину и женщину в себе единым существом. Он вышел на границу нашего мира и потустороннего...

Кассандра замаялась.

— И-и-и?.. — ты подался вперед.

— Его тело воспламенилось, — сухо ответила она. — Само.

— Что?!! — ты встал с кресла.

Это объяснение не выглядело правдоподобным. Желваки играли у тебя на лице, на шее бешено пульсировали сосуды.

— Данила... — я взял тебя за руку.

Но ты уже сделал шаг к столу, поставил на него одну руку и буквально навис над Кассандрой. И вдруг, не удержав равновесие, упал как подкошенный. Здесь, на краю стола, лежали какие-то бумаги, мелкие предметы. Все это с шумом, словно от сильного порыва ветра, повалилось на пол.

Кассандра встала, взглянула на тебя и отошла в сторону.

— Данила, с тобой все в порядке? — я попытался тебя поднять.

Да, все в порядке. Все нормально, — нашептывал ты, машинально раскладывая вокруг себя листы бумаги, какие-то карандаши, коробочки, пеналы.

— Анхель, она энергетически на меня воздействовала?! — Данила уставился на меня.

А я не понимаю, это вопрос или утверждение:

— Ты меня спрашиваешь? — Да, Анхель, я тебя спрашиваю!

— *А я не знаю, Данила! Понимаешь?! Я не знаю!*
И тогда не знал. И сейчас не знаю. Я даже не могу тебе сказать, кто за нами следит!
Пойми ты это уже наконец! — Так это могут быть другие люди?..
 — *Данила растерялся. — Слушай, я тебе затем все и рассказываю?.. —*
я почти взмолился. — Чтобы мы вместе смогли разобраться.
Мы перебежали из одного поезда в другой.
Но все без толку. Люди в серых костюмах
спокойно и уверенно проследовали за нами,
 — *Это какое-то сумасшествие, —*
прошептал Данила, глядя на эту странную миграцию серых субъектов.
Я тем временем в очередной раз меняю кассеты в диктофоне.
 — *Данила, слушай дальше...*

— **П**одойдите сюда... — голос Кассандры прозвучал из глубины комнаты.

Ты продолжал сидеть на полу и ощупывал себя, словно хотел убедиться, что все у тебя на месте — руки, ноги, голова, туловище.

Я помог тебе подняться. Там, где стояла Кассандра, загорелся свет небольшого торшера. Вслед за ним включился телевизор и видеомэгнитофон. Ловко орудуя двумя пультами, Кассандра прокручивала запись, сделанную, как мне показалось, камерами внутреннего наблюдения.

— Эта запись появилась совершенно случайно, — Кассандра внимательно приглядывалась к изображению. — Почему-то была нарушена система внешней сигнализации, и автоматически включились камеры, установленные в здании. Вот он...

Кассандра нажала на паузу. В кадре был человек. По всей видимости, Серафитус. Хотя, конечно, сказать об этом определенно было нельзя. У того, кого мы видели в присутствии Гаптена, живого места на лице не осталось. Родная мать бы не узнала. А тут еще вполоборота и при плохом качестве видеозаписи.

Пожилой мужчина стоял на коленях перед огромным окном. Мне показалось, что он молился. День, судя по всему, был солнечный. Свет буквально заливал картинку, видимость плохая. Мужчина раскачивается из стороны в сторону. Потом помехи. И вдруг, у него начинаются судороги. Мгновение, и он весь объят пламенем.

Чудовищная картина.

Через секунду в комнате появляется Гап-тен. Он срывает штору и накрывает Серафитуса. Пламя исчезает, словно по волшебству. На шум и крики вбегают люди, суета, паника. Конец пленки.

— **Э**то все... — говорит Кассандра и выключает телевизор.

Мы поражены и озадачены. Что бы ни говорила эта женщина и как бы мы к ней ни относились, то, что мы сейчас увидели — страшно, значимо и заставляет задуматься. Может быть, действительно, Серафитус как-то связан с пятой Скрижалью?

— Да... — говорю я.

— Это, Анхель, не самое страшное, — Кассандра возвращается на свое место и нервно закуривает вторую папиросу. — Сейчас вам предстоит встретиться с Ученым Советом Академии.

— Зачем? — спрашиваем мы почти хором.

— Совету принадлежит жизнь Серафитуса, — отвечает Кассандра.

— В каком смысле?

Кассандра нервно затягивается и поясняет:

— В прямом. Это очень влиятельные люди. Когда человек сталкивается с трудной жизненной ситуацией, он инстинктивно обращается к сверхъестественному. Неверующие идут в церковь, отчаявшиеся — к целителям и колдунам. К астрологам, экстрасенсам и гадалкам в добром расположении ума и тела не ходят. Поверьте мне! Даже знаменитые ученые, узнав о неизлечимом заболевании родственника, отказываются от своего высокомерного научного снобизма и обращаются к целителям, бабкам, шаманам — к кому угодно, только бы спасти или спастись. Это естественно, и среди нас это мало кого удивляет.

— Ну и причем здесь ваш Совет? — вспыхнул ты. — Мало ли кто куда ходит?!

— Я просто хочу, чтобы вы все поняли правильно... — Кассандра внимательно посмотрела сначала на тебя, потом на меня. — И вот теперь задумайтесь: если даже обычный человек беспокоит потусторонний мир по всяким своим пустякам, неужели люди, управляющие этим миром, обличенные властью, не обращаются за помощью к духовным силам? Вы думаете, что президент какой-нибудь страны решится на ответственный шаг, не узнав, как на это смотрят звезды, что по этому поводу говорят пророки и что знают о будущем его решения ясновидящие? Нет, все решения власти согласовываются!

— Вы это серьезно?.. — ты посмотрел на Кассандру, как на больную.

Данила, перестаньте ваньку валять! — заорала Кассандра. — Я абсолютно серьезно! Абсолютно! Да, власть имущие консультируются у специалистов Астрального Знания. И это не частные консультации и не у

случайных людей. Зачем наш президент сразу после своего избрания ездил в Афон к монахам-отшельникам? На фрески посмотреть? Чистым воздухом подышать?!

— А зачем он ездил к монахам-отшельникам? — я так удивился этой подробности, что даже не понял, о чем она говорит.

— За благословением и пророчеством! — почти взвизгнула Кассандра. — Это же афонские старцы!

— А почему он поехал именно к этим старцам? — недоверчиво спросил ты.

— Вот я вам и объясняю, — Кассандра сделала глубокий вдох и немного пришла в себя. — Ученый Совет Академии, с которым вам сейчас предстоит встретиться, это очень серьезные и очень влиятельные люди. Политика делается не там, где заседают правительства и парламенты, истинная политика делается здесь, этими людьми!

— Ученым Советом ВААЗ? — ты не верил своим ушам, а я не верил своим.

Кассандра посмотрела на нас с тобой, как на неразумных трехлетних детей.

— Боже правый, неужели вы настолько наивны?.. Конечно!

— Анхель, — ты повернулся ко мне и посмотрел мне прямо в глаза. — Я не сплю?

— Нет, — неуверенно ответил я.

— Послушайте, друзья! — Кассандра заметно оживилась. — Сейчас не время все это обсуждать. Совет ждет.

— А что нам с ними *обсуждать*? — спросил ты,

— Вам все объяснят. И помните, в их руках жизнь Серафитуса. Пойдемте.

Ты замешкался на входе в конференц-зал, куда нас ввела Кассандра.

— Это мои родимые пятна или у меня галлюцинации? — прошептал ты.

Над дверьми конференц-зала Академии висел шестиугольный герб с падшим ангелом в центре. Причем, этот ангел был изображен со спины, крылья лежали внизу, отдельно. А в том месте, где они раньше «крепилась» — в районе лопаток, красовалось два симметричных овала.

Данила, эти багровые точки действительно очень напоминали твои родимые пятна! Я был потрясен — оказывается, вот почему игуменья из монастыря Святого Иоанна искала их у тебя! Но я не успел высказать свое удивление, потому что мы уже были в конференц-зале.

Нас, стоя, приветствовала целая группа людей в самых разных платьях — светских, религиозных и национальных. У кого-то была европейская внешность, у кого-то восточная, был и индус, и латиноамериканец, и еврей, и африканец.

Ты огляделся по сторонам и шепнул мне на ухо:

— Анхель, это, похоже, бал-маскарад.

Я пожал плечами. Все это действительно выглядело, по меньшей мере, странно.

— Господа, — обратилась к ним Кассандра, — позвольте представить вам Данилу и Анхеля.

Ты обвел взглядом собравшуюся публику и сел в предложенное тебе кресло за большим круглым столом. Я подсел рядом.

— Господа, я рад нашему знакомству... — начал ты, потом замешкался и обратился к Кассандре. — А здесь все понимают по-русски?

— Разумеется, — Кассандра смутилась или сделала вид, что смутилась.

— Очень хорошо. К сожалению, у нас слишком мало времени. Поэтому, если это вас не затруднит, постарайтесь быть краткими, — объявил ты.

Кассандра словно не услышала этих слов:

— В ученом совете Академии двенадцать постоянных членов из восьми стран мира. Все они собрались сегодня здесь, чтобы помочь вам. От имени Совета к вам обратится Свами Брахмананда, почетный председатель совета.

Я автоматически пересчитал присутствующих. Включая Кассандру, их действительно было двенадцать. Чем они тут занимаются?

— Досточтимый Данила, то, что вы делаете — есть кармическое перерождение мира, — начал на ломанном русском языке по жилой индус в характерном одеянии с темной точкой посередине лба. — Слово Карма происходит от санскритского слова Кри, что значит — делать. Сейчас я говорю с вами — это Карма, вы слушаете — это Карма. Мы дышим, едим, спим — все это Карма. И все это оставляет свой след. Поэтому Карма — это не просто действия, но и результаты действий. А точнее — результаты, причинами которых были наши прежние действия...

— Я прошу прощения, к чему эта лекция? — ты прервал индуса, который, кажется, собирался вещать до самого вечера.

По лицу индуса было понятно, что он не привык к такому обращению, но его уважение к тебе оказалось намного сильнее раздражения.

— У современной цивилизации есть своя Карма, — индус развел руки. — То, с чем она столкнулась

сейчас в сфере Духа, это результат ее прежних действий. Всевышний оставляет заповеди на всех языках и наречьях, но кто исполняет их? А если люди не служат Добру, они служат Злу. И Зло погребет их, ибо тот, кто служит Злу, будет принят во Зле. И лишь тот, кто служит Добру, будет принят в Добре. Это закон Кармы. И человечество должно получить то, что оно заслужило. Как представитель Карма-Йоги, я хочу донести до вас важность непротивления Злу...

— Что?! — тебя прямо передернуло. — Непротивление Злу? Я не понимаю. Как можно осуждать зло и не противиться ему?

— Зло погребет Самое Себя, — продолжал индус. — Творящий Зло уничтожает самого себя. Таким образом, Зло уничтожает Само Себя. Творящие Зло предают сами себя. Нет нужды бороться со Злом, пусть Оно пройдет свой круг и исчезнет. Зло — это Зло, Оно не может быть *добром* для Себя, поэтому Оно Само погубит Себя. Ему не нужно мешать. А Добро, Данила, не в противлении Злу, Добро — это то, что отпускает...

— Отпускает... — ты задумался.

Эта мысль, действительно, звучала странно. Получается, что мы, пытаясь остановить нашествие темных сил, не совершаем благого дела. И вот этот странный человек говорит, а еще одиннадцать сидят и согласно с ним кивают головами: пусть саранча расплодится и съест все живое, и тогда умрет саранча. Она умрет от голода, она умрет от своей ненасытности. Зло пройдет свой круг и исчезнет. Непротивление Злу...

Вы не понимаете, это очень важно! — затараторил индус. — Исполнить свою Карму — предназначение не только каждого человека, но и всей цивилизации. Нам не известен исход борьбы, которую вы ведете сейчас. Но не сопротивляйтесь Злу, только тогда Зло уйдет. Если вы наступаете, Зло обретает силу. Оно провоцирует вас! Почему вы думаете, что спасение — это благо? Да и что именно вы намереваетесь спасти? Нарушить закон действия Кармы? Избавить цивилизацию от того возмездия, которое она заслужила?

— Подождите, вы хотите, чтобы цивилизация погибла?! — кажется, ты только теперь понял, о чем говорит этот индус. — Но неужели в ней нет ничего, что заслуживало бы спасения?

— Данила, вы, наверное, слышали о двенадцати Коленах Израилевых? — спросил тебя вдруг человек в хасидской одежде.

— Мне это почти ни о чем не говорит...

— Ну, это не так важно, — еврей слегка смутился. — Двенадцать сыновей благословенного Иакова оставили свои заповеди. Они известны, как заповеди двенадцати патриархов. Мы очень чтим эту книгу, поскольку в ней собраны откровения о земной жизни. Там, в завете Асира, мы находим истинное толкования Зла.

— Очень интересно, — ты откинулся на спинку своего кресла и сложил руки на груди. — И что же такое истинное Зло?

Прежде чем я скажу вам, — предварил свое объяснение еврей, — ответьте мне на один вопрос. Можно ли назвать чистым человека, который вымылся только на половину?

— Я думаю, нет.

— А можно ли назвать добрым человека, который в чем-то совершает зло?

— Ну, так судить нельзя! — возмутился ты. — Все люди в чем-то ошибаются. Бывает, что и смалодушничают. Сами себя часто обманывают. Но нельзя же быть идеальным! Это невозможно! Кто без греха?! Это же еще Христос...

— Если душа делает и доброе, и злое, она двулична, — теперь еврей говорил строго и уверенно, его глаза блестели. — Если же она двулична, она лукава. А лукавый не может быть праведным. Если в добром — зло, то и в целом — зло. И не противьтесь этой истине, Данила! Это так!

— Да что вы говорите такое?.. — ты все еще не соглашался.

— Разве можно назвать щедрым того, кто, жертвуя милостыню, в деле своем жаден и расчетлив? — продолжал еврей. — Разве честен тот, кто честен с выгодой — там, где нужно ему, а в другом молчит и не открывает всей правды? Разве добросердечен тот, кто защищает своих, но беспощаден с врагами? Да, есть один, что не прелюбодействует, но он чревоугодничает и распространяет хулу. А есть другой — он не пьет, но он приносит беду любящим его. Много ли в них Добра, Данила?!

Я заметил, что на какой-то миг ты растерялся. Но уже через секунду вновь собрался с мыслями и продолжил:

— Хорошо, но если я не буду сопротивляться Злу, как вы говорите, хотя я плохо понимаю, о чем идет речь, то как же я сделаю то, что должен? Зло само мне все и выдаст — на блюдечке с белой каемочкой?! Когда я впервые узнал о Скрижалях, я никакому «злу» не сопротивлялся. И вот результат!

— Вы не понимаете, — в разговор вступил человек с монголоидной внешностью — китаец, а может, японец или кореец. — Непротивление станет добродетелью, только когда человек приобретает силу для подлинного сопротивления. Если не противится слабый — что с того? Если не противится сильный — он становится еще сильнее. Да, Карма и Душа Мира требуют жертвы. Жертва приносится во спасение, а принесение жертвы — это поступок силы. Это странно звучит, но наша цивилизация — жертва. Это великая жертва во спасение...

Возникла пауза. Я видел, что ты колеблешься. Потом ты повернулся ко мне и спросил:

— Во спасение чего?.. Анхель, я не понимаю, что они от меня хотят.

Я не знал, что тебе ответить. Мы сидели напротив людей, от которых зависят судьбы мира. И я видел, что они уже приняли свое решение: мир заслуживает того, чтобы погибнуть. Впрочем, их это, кажется, совершенно не тревожит и не расстраивает. Они чувствуют себя властителями, а властителю легко принимать решение — он над миром. Господи, какие же советы они дают политикам?! И неужели весь этот ужас, который творится сейчас в мире, — это дело их рук?! Мурашки побежали у меня по телу.

— Услышьте меня, — снова начал индус. — Душа Мира бессмертна, Ей принадлежит владычество. Она — всеведущая и вездесущая, Она — покровитель Мира и вечный ее вседержитель. А вы боитесь ошибиться, вы боитесь победы Зла! Вы стоите на стороне Зла, когда поступаете таким образом! Смиритесь! Дайте Душе Мира сделать то, что предначертано...

— Ах вот вы о чем... — ты прервал его, и в твоих словах прозвучала угроза. — Я, кажется, все понял. Не сопротивляться Злу, говорите... Хорошо, тогда послушайте, что я вам скажу. Возможно, вы совершенно правы, и Душа Мира, как вы ее называете, бессмертна. Я ничего не имею против. Но меня, в отличие от вас, мало беспокоит судьба бессмертных.

Я встретился с Источником Света и понимаю — Он и сам может о себе позаботиться. Он — Источник, Он по сути своей неисчерпаем. Но ему почему-то не безразличны *мы*.

Ему *это* почему-то важно... И знаете, когда я понял этот парадокс, все во мне переменялось. Ему — бессмертному — важно, а нам самим почему-то нет, мы безразличны к себе.

Мы все витаем в облаках, думаем о Душе Мира, Нирванах, Карме, Законе, Истине, Вселенной... Бог знает, о чем еще! Вот и вы сейчас об этом. А первое свое дело — своим собственным Светом — мы не заняты. А это наша личная ответственность. В каждой конкретной жизни все должно быть правильно, и тогда все будет правильно.

Вы, может быть, думаете, что я о спасении Вселенной пекусь? Так вы ошибаетесь. Я слишком земной человек. Вокруг меня не Души Мира и не Атманы (или что у вас там?), а живые люди. И я вижу, как они живут — что им плохо, больно, что они несчастны. Только это меня мучит. Я *за них* боюсь. И так получилось, что это моя ответственность.

Вы же мне предлагаете — забудь о людях, это мелочи и телячьи нежности, Душа Мира бессмертна! Вы мне говорите — примиришься со Злом, пусть Оно придет и очистит Вселенную для будущего Света! Такова Карма! А если эти люди погибнут, потеряют надежду на счастье — это ничего, ерунда! А я вам отвечаю — не мелочи это и не ерунда!

И все, что я делаю, — не для Души Мира, а для человека. Для конкретного — вот для Анхеля, например. Для тех, с кем мы встретились за последний год. Для людей... Погибнет мир или нет, мне на это, честно говоря, наплевать. Слышите меня — наплевать! Мне другое важно. Будет конкретный человек счастлив или нет. Это — важно!

А все эти ваши рассуждения... Нет у меня на это ни времени, ни желания. Я надеюсь найти способ помочь конкретным людям — тем, что хотят и могут быть счастливыми. Только их этому не учили. Бояться научили, а быть счастливыми — нет. И тут не о «непротивлении злу» надо думать, а о помощи.

Знаете, вы мне напоминаете детей, которые еще на горшок толком ходить не научились, а сидят в своей песочнице с флигелями и рассуждают о том, как миром управлять и как двигатели на орбитальных станциях функционируют. Все, я закончил. И время вышло. Так что вы уж меня простите, нам с Анхелем надо идти...

Ты резко встал со своего места, сделал мне знак, что пора уходить, и направился к выходу. И тут я увидел, что тебя повело, словно ты не держишь равновесия. Ноги подкосились, ты попытался выстоять, но не смог. У тебя снова начиналось видение...

— Снова энергетическое воздействие? — спрашивает Данила. А я не знаю. Не знаю.

Может быть, это результат видений, а может, и воздействие. Как ответишь?

— Это был очень странный разговор, Данила, особенно в свете того, что произошло дальше.

— А что было дальше? — спрашивает Данила.

Я раздумываю и оглядываюсь по сторонам.

Мы с тобой стоим в холле метро. Справа и слева от нас, спереди и сзади люди в серых костюмах.

Чего они от нас хотят? Кто их послал?

Даже я пока не понимаю этого, хотя, в отличие от Данилы, хорошо помню все, что произошло дальше.

Ну что ж, коли так, значит у нас есть время.

Но может быть, его мало? Тогда надо спешить.

Тебя положили на диван в одной из комнат левого флигеля.

— Я же вам говорила! — прошипела Кассандра. — Зачем он стал с ними спорить! Нужно было втереться в доверие к Совету и вы- красть Серафитуса...

— Зачем? — я смотрел на нее и не понимал, что происходит. — Втереться в доверие?.. Выкрасть Серафитуса?..

Вы что, так ничего и не поняли?! — взъелась на меня Кассандра.

— Что я «не понял»?!

— Они считают, что Карма мира не должна быть изменена, — заговорщицки шептала Кассандра. — Они хотят гибели мира! А вы с вашими Скрижалями пытаетесь его спасти! И поскольку Серафитус в их руках, теперь они просто отключают его от аппаратов. И все — Скрижаль пропала!

И тут только я понял, что мы допустили гигантскую, непоправимую ошибку! Действительно, теперь члены Совета просто убьют человека, в котором скрыта Скрижаль Завета. И на этом — все. Наша работа будет провалена. Это же так просто! Партия проиграна в три хода...

— Ну ладно, — вздохнула Кассандра. — Я должна подумать. Что-то же можно сделать... Но учтите, вы постоянно находитесь под наблюдением. Попытайтесь бежать — вас возьмут на месте! Будете действовать без моего ведома — это стопроцентная смерть.

Она вышла из комнаты и закрыла за собой дверь.

А я места себе не нахожу. Мне кажется, что еще мгновение, и я сойду с ума. Как я мог так глупо поступить? Почему я не уговорил тебя найти общий язык с Советом? Почему я не верил, что Серафитус — это человек со Скрижалью? Господи, я вел себя как полный дурак! Я в отчаянии.

Ты был в забытьи несколько часов. Лежал на диване с открытыми глазами и повторял, как заведенный:

— Отпустите меня... Отпустите меня... Отпустите меня...

— Данила, — я теребил тебя за плечо, — что значит отпустить? Куда отпустить? Откуда? Кто тебя держит?!

Но все без толку. Ты не отвечаешь и только одно — «отпустите меня».

В себя ты пришел только к ночи. Кассандра заходила несколько раз, справлялась о твоём состоянии.

— Анхель, что будем делать? — ты повернул голову и посмотрел на меня.

— Я не знаю... Тебе нужно как-то войти в контакт с Серафитусом.

— В нем нет Скрижали, — говоришь ты, продолжая все так же безучастно лежать на диване.

— Господи, Данила! — я почти взмолился. — Не начинай это, пожалуйста. Ты то приходишь в себя, то словно испаряешься. А я тут сиди и понимай, что нам делать! Я совершенно запутался. И этот разговор с Советом... Только подумай — кто они, и что теперь будет! Что ты там устроил?.. Неужели нельзя было...

От безысходности, от тяжести, лежавшей у меня на душе, я был на грани нервного срыва.

— Анхель, мы в ловушке.

Ты уставился в потолок. Взгляд остекленевший, уставший, измученный. Положил руки на лицо и стал его растирать.

— Я понимаю, что мы в ловушке, — я даже разозлился на тебя. — Данила, нам нужна помощь!

— Анхель, когда человек в отчаянии, он думает только о том, кто ему поможет. И именно в этот момент очень важно понять: ты сам — тот человек, который может тебе помочь. Выход появится только в тот момент, когда ты перестаешь искать помощь на стороне. А до тех пор ты оглядываешься, вместо того чтобы присмотреться.

— Это философия, Данила. Сплошная философия...

— Нет, это не философия, — сказал ты. — Какую помощь ты ждешь? Чем тебе могут помочь?

— Ну, я не знаю. Хоть бы с твоими голосами разобраться.

Так давай разбираться с голосами, — предложил ты. — Допустим, что во мне действительно говорят мужская и женская сущности. Если они *сущности*, то, насколько я понимаю, они универсальны: сущность мужского и сущность женского. Они ведь не могут быть у разных людей разными?

— Нет, не могут, — согласился я.

— А теперь подумай Анхель, как мы можем узнать об этих сущностях, если не привлекать к этому Серафитуса?

— Наверное, как и с любой другой сущностью? — предположил я. — Нужно своей собственной сущностью сконцентрироваться на предмете. Затем идти внутрь него, раздвигая внешние слои. И добраться до основания. Ведь сущность — это ничто, которое обретает себя в конкретном содержании.

— Это как? — ты сначала поднялся на локте, а потом и вовсе сел на диван. — Я не понял.

Сложный вопрос. Рассказывая о сущностях, становишься собакой — все понимаешь, а сказать не можешь.

— Это трудно объяснить, — сказал я. — Ну, вот, например, человек. Он рождается с пустой душой. Образно выражаясь, конечно. И дальше его душа, как бы, находит себя. Она сталкивается с обстоятельствами жизни, проявляет себя в них и в результате становится самой собой. Но ведь она и до всего этого была самой собой — душой, но невоплощенной. И вот то, чем она была до того, как обрела себя, и есть ее сущность. Понятно?

— Ты посмотрел на меня и устало улыбнулся:

Будем считать, что понятно. На самом деле, понятно мне или не понятно, это не имеет значения. Просто сконцентрируйся на предмете, затем иди внутрь него, раздвигая внешние слои... Ты должен увидеть эти сущности. Пока не увидишь, мы будем в ловушке. А надо двигаться...

(Книга из электронной библиотеки неПУТЬёвого сайта <http://ki-moscow.narod.ru>)

Я опешил. Ты говорил об этом так спокойно и так уверенно! А мы находимся в чудовищной ситуации!

— Ты что, Данила?! Я не могу! Я не в том состоянии. Для такого созерцания на душе должен быть покой. А меня всего словно рвет изнутри...

Ты тихо рассмеялся. Потом посмотрел на меня — спокойно, по-доброму, как ты умеешь, и говоришь:

— Анхель, на тебя одна надежда. Если бы ты только знал, что сейчас творится у меня в голове. Они орут. Эти двое — мужчина и женщина. Орут, словно их режут. Они ненавидят свою жизнь, они ненавидят друг друга. Будь у них больше решимости, они бы, наверное, убили бы друг друга. И это единственное, что их объединяет, больше — ничего общего. А ведь они — муж и жена. Теперь я в этом абсолютно уверен.

Муж и жена?! — у меня шок. — Они — настоящие, обычные люди?! Это не сущности мужчины и женщины?!

— Нет, Анхель, нет, — ты говоришь об этом определенно, как о совершенно решенном вопросе.

— А как ты узнал, Данила? Ты точно уверен? — я допускаю, что ты прав, но пока не могу тебе поверить.

Есть правда еще одно *общее*, — ты задумался. — У каждого из них есть ребенок, дочка. Вроде бы это не доказательство, что они муж и жена. Мало ли у кого есть дети?.. Но много ли ты знаешь маленьких девочек, которые без конца говорят своим родителям: «Отпустите меня»? И не объясняет, что это значит — «отпустить»...

Господи, Данила, но как же мне собраться?! Как же я смогу обратиться к миру сущностей, находясь в таком состоянии?! Я же просто с ума схожу!

— Анхель, не думай об этом, — ты снова смотришь на меня своими замечательными, своими обнадеживающими, вселяющими уверенность глазами. — Просто вспомни о тех Скрижалях, которые мы нашли. Вспомни о том, что в них говорится...

— О Скрижалях? — я удивился, но не тому, что ты сказал, а почему я сам до этого не додумался.

— Вспомни о «Ты». Вспомни о «Другом». Вспомни о «Счастье». И вспомни о «Свете»...

Так ты перечислил уже известные нам Скрижали. Ты зашифровал их в эти четыре слова. И я мысленно улыбнулся. Мы не произносим тексты Скрижалей, но ты спрятал их внутрь слов. И получилась формула. Поменяй эти слова местами, ты все равно получишь один результат: «Ты — Другой», «Другой — Ты», «Ты — Счастье», «Счастье — Другой», «Ты — Свет», «Другой — Свет», «Свет — Счастье».

Конечно, это не тексты Скрижалей. И никто не поймет, что в этих словах, не зная тек ста Скрижалей. Но в том, как ты это сказал, было столько правды, столько внутреннего, глубокого смысла, что я заплакал. Наконец-то...

Да, мне это было нужно. Конечно, кто-то скажет, что слезы не красят мужчину. Что и слезы слабости, и слезы отчаяния, и слезы сентиментальные — все блажь. Но наплевать на тех, кто так скажет. Они ничего не знают. Я плакал.

На исходе вторые сутки, и я похож на водонапорную башню. Эти слезы распирали меня, распирали изнутри. Душили, давили, жгли. Слезы страха, слезы отчаяния, слезы усталости, опустошенности, беспомощности, а теперь — и слезы счастья. Слезы...

Я вдруг почувствовал себя счастливым. Я плакал и чувствовал себя счастливым. Счастливым от того, что ты здесь, со мной. Счастливым от того, что я причастен к такому важному делу, что я могу тебе помогать. Мне вдруг стало понятно все, о чем ты говорил на Совете. И я почувствовал себя свободным, свободным и счастливым.

Не знаю, как так получилось — я понял что-то очень важное для себя, или просто душа моя освободилась в эту секунду. Возможно, подействовали твои слова, то, как ты сформулировал суть известных нам Скрижалей. Не знаю.

Но меня буквально выбросило в мир сущностей. Мощным, стремительным потоком.

В мир, где нет ничего земного, привычного, осязаемого. В то, что нельзя описать. В текущее пространство Света.

Раньше, чтобы заглянуть сюда хотя бы краешком глаза, мне требовались многие дни сосредоточения, ритуалы и обряды. Но на сей раз я просто открыл глаза. И сквозь призму, сквозь пелену своих слез я увидел многоцветие пульсирующего Бытия, величие и животворящую силу Вечности, красоту и могущество Небесного Свода.

Сущности шли передо мной огромным, нескончаемым хороводом. Я испытал... Бессмертие.

Мы вышли из метро на улицу в сопровождении своего серого эскорта.

— Я был прав, Анхель?

«Это были не сущности?» — спрашивает Данила и вместе со мной растерянно смотрит, как наши преследователи спокойно, без суеты рассаживаются по машинам.

Меня шокирует эта их наглость и уверенность.

— Нет, Данила, это были не сущности...

То, что ты сохранил присутствие духа во всем том безумии, позволило мне понять, что Кассандра водит нас за нос.

— Давай попробуем раствориться в толпе?

Где-нибудь в людном месте? — предлагает Данила. Мы какое-то время раздумываем, выбираем такое место.

По дороге я продолжаю восстанавливать последовательность событий, напроць забытых Данилой...

О том, что я видел, трудно, почти невозможно рассказать. Представь, что ты находишься в небе, над облаками, внутри огромного прозрачного шара. Радуга играет на его поверхности. Краски, переходя одна в другую, сливаются, переворачиваются и снова проявляются с предельной силой.

«Кто они — Мужчина и Женщина?» — я задал этот вопрос, и в окружающем меня пространстве произошло ответное движение.

Я увидел Солнце, яркое, как тысячи солнц. Оно входило в воды безбрежного Океана. Мгновение этого соединения, и я стоял под золотым дождем, изливающимся из бесконечности в бесконечность.

А потом прямо на моих глазах до бела раскаленный огненный Посох вонзился в плодородные Почвы. Один миг, и я уже стоял в благоухании райских цветов, что поднялись от Земли до самого Неба.

«Кто они — Мужчина и Женщина?» — спросил я во второй раз.

Из тягучей массы Света стали появляться образы. Я видел, но не глазами, двуполых божеств всех культур и всех народов — Востока и Запада, Севера и Юга. Видел Афины Палладу в мужском одеянии и двуполого Диониса, пьющего вино вечности. Видел бога-слона Га-неша, держащего на коленях мужчину и женщину, и неразлучную пару Шиву и Шакти.

«Кто они — Мужчина и Женщина?» — спросил я в третий раз.

И тогда говорили со мной два голоса.

И говорила Женщина: «Я была холодна, скованная холодом. Была во Мне сила, но не было ее. Но пришел Он и дал Мне Тепло. Я напиталась Светом, и спали оковы холода, потому что Он пришел».

И говорил Мужчина: «Я был один, и пламя снесало Меня. И не было никого, кто бы принял Меня таким. Но открылась Она, и открыла Мне, что в пламени Моем — Свет и Тепло. Ей благодарен Я, что спасла Меня».

И снова говорила Женщина: «Была Я сухой землей, а стала пустыней. Была во Мне сила, но не было ее. Но пришел Он проливным дождем и дал Мне влагу. И напиталась я Духом, и расцвела пустыня, потому что Он пришел».

И снова говорил Мужчина: «Я был небом, и душили Меня гроззовые тучи. И не было никого, кто бы нуждался во Мне. Но сказала Она, что алчет влаги, и тогда Ей Я отдал всего Себя. Благодаря ей Я нашел Себя».

— «Так кто же вы, Мужчина и Женщина?» — спросил я.

— «Я — Та, что думает о Нем», — ответила Женщина.

— «Я — Тот, кто думает о Ней», — ответил Мужчина.

— «И какая же разница между вами?» — удивился я.

— «В том-то весь и секрет, что нет разницы...» — услышал я откуда-то со спины, обернулся и увидел

Гаптена.

Он стоял посреди большого поля. Под ним — цветущая земля, над ним — бездонное небо. Я смотрел на него и удивлялся — откуда он здесь? А он продолжал говорить:

«Чтобы быть чутким, ты должен довериться своей любви. Чтобы быть нежным, ты должен раствориться в своей любви. Чтобы быть сильным, ты должен принадлежать своей любви. В этом истина — чтобы быть, нужно любить».

Быть и любить — это одно и то же. А потому, тех, что не любит, просто нет. Есть только те, кто любит. И у них — у любящих — нет пола, потому что любовь стирает различия. Раствориться, довериться, принадлежать...»

Когда я очнулся, Гаптен стоял в комнате.

— Анхель, в Серафитусе нет Скрижали, — сказал он и покачал головой.

— Гаптен?.. — от неожиданности прошептал я.

Я был потрясен, увидев его здесь. И теперь у меня не было никаких сомнений — Кассандра пыталась ввести нас в заблуждение. Мужчина и женщина — это совсем не то, о чем она нам рассказывала. Впрочем, может быть, она и сама заблуждается?

— Да, я Гаптен, — он опять покачал головой и улыбнулся.

— Гаптен, — рукой ты предложил ему сесть. — Пусть Анхель приходит в себя. А ты пока объясни мне, что происходит?

— Кассандра — просто авантюристка, — сказал Гаптен. — Это правда. У нее психологическое образование, и она пользуется своими знаниями, чтобы манипулировать сознанием других людей. Например, она внушила Сера- фитусу мысль, что является воплощением Сабины Шпильрейн. Женщины, которая была пациенткой и любовницей Карла Юнга.

Карла Юнга? — ты непонимающе уставился на Гаптена.

— Ну, Юнг... — протянул он, словно давая тебе время вспомнить. — Ученик Фрейда, знаменитый психолог. Он-то и создал теорию о мужской и женской сущности — Аниме и Анимусе, которую и пересказывает сейчас Кассандра. Что женское начало агрессивно, а мужское — наоборот...

— Но как она могла обмануть твоего Учителя?

Это казалось странным. Как можно обмануть *посвященного*?

— Кассандра втерлась в доверие к Сера- фитусу, когда он уже был безумен, — объяснил Гаптен.

— Безумен?! — у тебя чуть глаза на лоб не вылезли.

— Да, — спокойно ответил Гаптен. — Се- рафитус ждал своего безумия и знал, что сойдет с ума.

— Но почему?

— И Сведенборг сошел с ума. Не важно, насколько ты свят, пока ты человек, у тебя человеческий мозг. А он не способен выдержать ослепляющего Света Откровений. Серафитус ждал своего безумия и предупредил меня. Я должен следовать только тем его указаниям, которые прозвучали до момента помешательства. Такой была его воля.

— А что за странное имя — Серафитус?

— Все члены Совета скрывают свои истинные имена. Принимая членство, они меняют их на новые. И каждый берет себе то имя, которое как-то связано с его... С его работой, что ли... С зоной ответственности, можно сказать. Ну, это такая вольность, что ли. Как шутка или игра. Маскарад. Аркан Дурак.

— Аркан Дурак?! Это карты Таро? — я был необычайно удивлен услышанным, ведь именно эта карта выпала в финале расклада Кассандры.

— Да, — подтвердил Гаптен. — Дурак — это абсолютная пустота, символ просветленности. Ведь мудрый — это не тот, кто много знает о жизни. Мудрый — это тот, кто принимает жизнь. А принимает — пустота, чистота, открытость. С другой стороны, Дурак — это шут, так его всегда изображают на карте. Шут больше любого короля, потому что он волен говорить правду.

Я был раздавлен. Карта имела совсем иное значение, вовсе не то, о котором говорила мне Кассандра. Она просто меня обманывала! Не моргнув глазом!

— Так вот, — продолжил Гаптен, — Оноре де Бальзак когда-то написал роман — «Сера- фита». Он попытался рассказать своим читателям об Откровениях Сведенборга...

И тут я вспомнил еще кое-что. В конференц-зале было двенадцать человек. Получается, что если Серафитус член Совета, то он — тринадцатый.

— Подожди-подожди! — я снова прервал Гаптена. — Ты хочешь сказать, что Серафитус — член Совета?

— Конечно! — ответил Гаптен.

— Тринадцатый?! — я все еще не мог понять, как такое может быть.

— Почему тринадцатый? — Гаптен очевидно не понимал, откуда я взял эту цифру.

— Но я их пересчитал — было двенадцать человек, — неуверенно сказал я.

— Как двенадцать?.. — протянул Гаптен, растерянно потирая затылок.

— Двенадцать, точно!

— Так вы, наверное, и Кассандру посчитали? — догадался Гаптен.

— Конечно, и Кассандру, — согласился я.

— Кассандра не член Совета, — сказал Гаптен. — В этом все и дело! Она хочет стать членом Совета — это так. Но членство в Совете пожизненное, и чтобы новому человеку войти в его состав, кто-то из действующих членов Совета должен умереть.

— Постой-постой! Но ведь она представилась нам президентом ВААЗ?.. — удивился ты.

Да, она президент, — подтвердил Гаптен. — Правда, не всего ВААЗ, а только российской миссии. И президент — это ведь административная должность. Он не имеет доступа к серьезной информации, и его мнение ни на что не влияет. Это что-то вроде секретаря. Кассандра получила эту должность через Серафитуса. Она организует встречи Совета и тому подобное. Но она не член Совета. Нет!

— Так это ее настоящее имя — Кассандра? — спросил Данила.

— Нет, не настоящее. У нее и нет пока этого имени. Она себя так заблаговременно называет. На самом деле, она Нина Петровна Прошкина.

— Господи, как мы сюда попали?.. Как нас угораздило?! — ты сокрушался, а я чувствовал себя бесконечно, бесконечно виноватым.

Неужели я оказался жертвой банальной авантюристки, купился на простые психологические

манипуляции, на обман.

— Я уверен, что эта она организовала «самоожжение» Серафитуса. Как раз для того, чтобы занять его место в Совете... — эти слова Гаптена прозвучали, как выстрел.

— **Т**ак может быть... — у меня в голове снова начался переполох.

А что если Кассандра не просто авантюристка. Но, как ты сначала и думал, осязаемое воплощение Тьмы?! И тогда все встает на свои места — она специально пытается убить Серафитуса, человека, в котором скрыта Скрижаль. А нас она просто водит за нос.

— Так может быть, Скрижаль, все-таки в Серафитусе? — предположил я.

— Нет, в нем нет никакой Скрижали, — Гаптен опустил голову. — И он уже мертв.

— Мертв? Когда же он умер?! — мы с тобой недоуменно уставились на Гаптена.

— На второй день после случившегося.

— Но...

И дальше Гаптен рассказал все, как есть:

— То, что вы видели — датчики, показатели пульса и кардиограммы на приборах, аппарат искусственной вентиляции легких и все остальное — все это бутафория.

— Бутафория?! — у меня голова пошла кругом.

Да, я подкупил врачей, нанятых Кассандрой. Они запустили эти приборы в автономном режиме, чтобы ни у кого не возникло сомнений.

Я вспомнил, как резко Гаптен задернул балдахин над кроватью Серафитуса. Все понятно. Он не хотел, чтобы мы заметили, что лежащий там человек не только изуродован, а ко всему прочему еще и мертв.

— Но зачем этот спектакль? — Данила недоверчиво посмотрел на Гаптена.

— Я хочу вывести Кассандру на чистую воду, — тихо и уверенно сказал он.

— Господи, а нам-то что делать? — я совершенно растерялся.

— Бежать, — ответил Гаптен.

— Как убежишь от ясновидящих?! — воскликнул я, меня удивило его предложение.

— От кого именно? — Гаптен, в свою очередь, смотрел на меня удивленно.

— Ну, от Кассандры, — сказал я.

— Она не ясновидящая, — Гаптен даже пожал плечами. — Она пользуется только той информацией, которую люди сами ей сообщают — жестами, другими телесными сигналами, «длинным» языком, мимикой, интонациями.

Когда человек рассказывает о своих страхах, он рассказывает о своем прошлом. Спросите у человека, что его печалит, и вы узнаете, что главное в его жизни, о его ценностях и приоритетах. А потом, ради смеха, узнайте, что его раздражает. И этот человек, сам того не подозревая, расскажет вам обо всех своих привычках.

Это просто психология. А Кассандра очень искусный психолог. Только вот знания свои она использует не для людей, а против них.

— Уверен в этом? — спросил ты у Гаптена.

— Да, — ответил он.

А я сомневался. Конечно, я не могу судить объективно, поскольку сам оказался жертвой ее происков. Но все же, откуда она узнала наш с тобой адрес? Я все могу объяснить, но это — нет.

— Но как она узнала наш адрес?! — выпалил я.

— Ну, я не знаю, — развел руками Гаптен. — Спросила у кого-нибудь. Справки навела.

— Какие справки? У кого? Это невозможно. Абсолютно исключено, — утверждал я. — И потом, члены Совета... Они же хотят помешать поиску Скрижалей! Учитывая их возможности, они найдут нас в три счета.

— Они не будут этого делать, — уверенно сказал Гаптен.

— Не будут? Почему? — я не поверил своим ушам.

Потому что они считают Данилу Мессией. Они могут только предложить ему свой план, рассказать о своем видении ситуации. Но они не будут препятствовать ни ему, ни тебе, Анхель.

Ты крайне удивился этому:

— Но с чего им думать, что я Мессия?

Гаптен расстегнул рубашку, снял с шеи серебряный кулон и протянул его тебе. На кулоне был выгравирован тот герб, который мы видели, входя в конференц-зал. В шестиугольнике Ангел — его крылья отпали, а на спине, возле лопаток остались два пятна.

— Они знают, что ты — Мессия, — уверенно сказал Гаптен. — И поверь мне, никто не хочет повторить участь фарисеев, косвенно виновных в смерти Христа. Они могут быть с тобой не согласны, но они не станут переходить тебе дорогу.

— Мне показалось во время нашего разговора, они были настроены очень воинственно...

— Постой-постой! — обратился я к Гаптену. — Но ведь они нам почти прямым текстом сказали о том, что ждут Конца Света! Конечно, они будут нам препятствовать. И Серафитуса они хотят ради этого убить...

И тут Гаптен чуть не рассмеялся. Он выглядел так, будто бы я говорю какую-то катастрофическую чушь:

— Члены Совета?!

— Да... — я растерялся.

— Хоть кто-нибудь из членов Совета называл имя Серафитуса?

— Имя Серафитуса? — я попытался восстановить в памяти картину того разговора. — Нет. Кажется, нет. Данила, ты не помнишь?..

— Нет, не называли... — ты удивленно посмотрел на меня. — Ас чего ты вообще взял, что они хотят убить Серафитуса?

— Мне Кассандра сказала... — я пожал плечами.

— Ну, что я вам говорю! Она всегда так делает. Вы что-то узнали, а она это интерпретирует совсем в другом ключе. И потом уже не понять — ты это узнал или это тебе так Кассандра преподнесла.

— Да она ведьма! — воскликнул я.

— Поэтому вам нужно бежать. Избавиться от Кассандры, и все, — спокойно сказал Гаптен.

Но страх уже полностью завладел мной:

— Но она может воспользоваться помощью других ясновидящих...

— Никакой настоящий ясновидящий не сделает ничего, что бы вам помешало. Они же ясновидящие! — Гаптен тихо улыбнулся. — Что за ясновидящий не узнает Мессию и будет препятствовать ему?! Только шарлатаны. Но от них и вреда никакого, потому что они *не* ясновидящие.

— **Ч**то-то здесь не то... — ты задумался. — Почему она мешает нам в поиске Скрижалей?

— А как иначе она сможет контролировать Совет? — Гаптену это было очевидно. — Она хочет с вашей помощью стать членом Совета. Она манипулирует вами, чтобы потом манипулировать Советом.

— Но ведь это безумие! — воскликнул я. — Если она думает, что Данила — Мессия...

— Она так не думает, — отрезал Гаптен.

— Не думает?!

— Нет, — подтвердил он. — Она и в Скрижали не верит. Я же вам говорю, она — прагматичная авантюристка. Кто еще может таким образом пытаться попасть в Совет?! Разумеется, она не Посвященная!

— Забавно... — протянул ты. — И все-таки здесь что-то не так. Анхель, мы не можем отсюда уйти.

Мы с Гаптенем потеряли дар речи.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

— *Черт возьми!* — Данила вышел из себя. Мы оказались на большой площади. Рядом рынок.

Много народа, шумно.

Кажется, какой-то праздник.

Но преследующие нас люди в сером покинули свои машины и не оставляют нас. Они буквально дышат нам в спину.

Куда бы мы ни двинулись, там уже стоит человек в сером и провожает нас пустым, абсолютно спокойным взглядом.

— Данила, пожалуйста, возьми себя в руки, — прошу я.

— Сейчас я расскажу тебе самое главное.

Может быть, ты тогда все вспомнишь, и вместе мы что-нибудь придумаем?

С горем пополам, Данила обуздывает свое желание разобраться с этими субъектами. И мы продолжаем мыкаться в толпе.

Данила, ты прохаживался по комнате и вдруг, словно оцепенев, замер у окна.

— Тихо! — шепнул ты, вглядываясь в темноту ночи.

Мы с Гаптенем удивленно переглянулись. Передвигаясь так, чтобы с улицы тебя нельзя было увидеть, ты щелкнул задвижками и потихоньку приоткрыл окно. Из него, теряясь в шуме фонтана, стали доноситься голоса:

— Почему я должен вам верить?! — спрашивал мужской голос.

— Потому что я уже дважды спасала вашу дочь, — раздраженно ответила Кассандра.

— Нина Петровна, я вам очень за это благодарен! Очень! Но теперь ей хуже! Бластов в последних анализах в семнадцать раз больше нормы, — возразил мужчина. — Врачи говорят, что это самое серьезное обострение за все время болезни!

— Я вам говорила, вы не должны были прибегать к помощи врачей! — отрезала Кассандра.

— Но как же?! Они же ее лечат — хоть как-то! У нас просто нет другого выхода! — мужчина был в отчаянии. — Мы все выполняли, что вы говорили, но... Она умирает. Что нам делать, что?! И почему она все время говорит: «Отпустите меня»?! Вы представляете себе, каково мне это слышать?!

¹ — Вы все неправильно понимаете! Она у вас Божий ребенок, Божий! — кричала Кассандра. — Она ищет встречи с Богом, а вы ее не пускаете!

— Я что, должен позволить ей умереть?! — негодовал мужчина.

Она не умрет. Вы все неправильно понимаете, — Кассандра была непреклонна.

Опять вы за старое, — сказал мужчина и секунду-другую раздумывал. — Я понял. Я так и думал. Вы просто ничего не можете сделать. Я укладываю ее в больницу. Пусть продолжают химиотерапию. Надо готовиться к операции. Ей пересадят костный мозг. Даже если шанс один к десяти...

Я не видел этого, но мне показалось, что, сказав это, мужчина повернулся и пошел прочь.

— Не смейте этого делать! — заорала Кассандра.

— Тогда верните ее к жизни, — эти слова мужчины прозвучали как ультиматум.

— Я же вам сказала, я не могу ехать сейчас! — голос Кассандры задрожал. — У меня здесь дела! Я не могу!

— Тогда, как знаете. Прощайте.

Тишина. Только звуки плещущейся в фонтане воды.

— Подождите! — крикнула Кассандра. — Дайте мне три минуты. Я еду с вами.

В ее голосе звучала решимость ненависти.

— Я в машине у ворот, — тем же резким тоном ответил ей мужчина.

Тут ты, Данила, аккуратно закрыл окно и повернулся к нам. И я тебя почти не узнал. Прежней растерянности, рассеянного взгляда, уставшего выражения лица — ничего этого не было. Как рукой сняло! Ты был собран, по-деловому напряжен и сосредоточен.

— Это он, — сказал ты.

— Он? — я тебя не понял.

— Да, Анхель, это его голос в моей голове, — уверенно сказал ты. — Все становится на свои места.

Гаптен, мы можем на тебя рассчитывать?

— Конечно, — ответил Гаптен, и было видно, что он рад твоему доверию.

— Сейчас здесь будет Кассандра. Разыграем ее. Гаптен, прячься за портьеру, — командовал ты.

— Анхель, садись здесь, у дивана. Скажешь ей, что я в забытии и, видимо, до утра в себя не приду.

Убедившись, что мы выполнили твои распоряжения, ты лег на диван и притворился спящим.

Через пару секунд в дверях действительно появилась запыхавшаяся Кассандра.

— Анхель, как ваши дела? — спросила она, пытаясь выглядеть сонной и уставшей.

— Плохо. Данила так в себя и не приходит, — сказал я. — Даже не знаю... До утра точно не очнется. И я отключаюсь, так спать хочется.

— Ну, что ж, утро вечера мудренее, — удовлетворенно сообщила Кассандра. — Вы тогда отдохайте, а с утра вернемся к нашим делам.

— Спокойной ночи, — сказал я.

— Хороших сновидений...

Когда дверь захлопнулась, ты позвал Гаптена:

— Гаптен, дружище, надо сыграть в «дурака». Шоу продолжается. Только теперь водить будем мы. Я правильно понимаю, что за нами следят?

— Разумеется, — ответил Гаптен.

— Значит, мы должны размножиться — быть и здесь, и там, куда отправляется эта парочка. Это можно устроить?

— Это уже устроено, — улыбнулся Гаптен. — Перед тем, как прийти к вам, я закольцевал запись в системе видеонаблюдения. У охраны на мониторах одни и те же кадры — вы вдвоем в этой комнате. Если бы Кассандра узнала о нашей встрече, хорошего было бы мало. Так что вашего исчезновения до утра никто не заметит.

— Не вашего, а нашего... — уточнил ты, уже направляясь к двери. — Машина есть?

— Будет! — сказал Гаптен и поспешил тебя остановить: — Но через дверь мы не пойдем...

До города мы ехали эскортом. Впереди мужчина, говоривший до этого с Кассандрой. Он был на красном мазератти. За ним — Кассандра в своем мерседесе. А следом — мы на девятке Гаптена.

— Данила, у тебя есть план? — спросил я. Ты выглядел уверенным, но у меня было

полное ощущение, что сейчас случится что-то ужасное. Вдруг из-за своего состояния ты не отдаешь

себе отчета в том, что делаешь?! Мы ведь абсолютно запутались.

С одной стороны, Кассандра. Ее намерения не понятны. Она ведет какую-то игру, но против нас или за нас?! С другой стороны, Совет, планы которого очевидно расходятся с нашими. Плюс к этому, мы до сих пор не знаем, в ком Скрижаль.

Может быть, мы вообще идем по ложному следу?! Наконец, мы доверились Гаптену. Но правильно ли мы сделали?!

— План? — ты удивленно посмотрел на меня. — Анхель, ответь мне на один вопрос: каким человеком можно манипулировать?

— Манипулировать?.. — я растерялся. — Не знаю, Данила.

— Манипулировать можно только неуверенным в себе человеком. Если человек не уверен в себе, то у него нет собственной позиции. Он ждет, что кто-то возьмет на себя его ответственность. Ждет, что ему скажут: «Я знаю, что к чему. Доверься мне». И я очень благодарен Гаптену...

— Мне?.. — Гаптен удивленно посмотрел на тебя.

— Да, Гаптен, тебе. Знаешь, ты вогнал меня в краску. Там, в комнате, когда мы впервые встретились. Ты сказал мне: «Я говорю то, что думаю. Вы можете не соглашаться со мной. Это ваше право. Но я честен с вами. Я говорю то, что думаю, потому что я уважаю вас и себя».

— Но, так и есть... — Гаптен пожал плечами, словно бы речь идет о совершенно очевидных вещах.

— Да, Гаптен, — подтвердил ты. — Так и есть! И мне стало стыдно. Потому что я неуважительно говорил с тобой — с недоверием, высокомерно. Тогда я задумался: «Почему?» И ты снова подсказал мне. Ты сказал, что я говорю так, словно защищаюсь. Ты сказал: «Только правда открывает путь. Правда по отношению к себе».

— Данила, ты меня пугаешь... — сказал я.

В эту секунду, глядя на твое воодушевление, я был почти уверен, что ты бредишь.

— Анхель, меня надо дослушать, прежде чем пугаться, — улыбнулся ты. — И я подумал, а какую правду о себе я скрываю от самого себя?

Ты замолчал. Мы мчались по шоссе в направлении города. Тусклый свет фар. Где-то впереди маячил мерседес Кассандры. Воцарившуюся тишину нарушал только ревущий мотор нашей машины.

— Данила, какую правду? — спросил я, не имея больше сил ждать твоего ответа.

— Я ведь так до сих и не верю... — ты задумался, пытаешься найти нужное слово. — Это трудно сказать себе: «Знаешь, дружище, а ты ведь Избранный! На твою долю выпала ответственная работа. И никто в целом мире не сделает ее за тебя. Тебе будут помогать, за тебя будут болеть, но сделать ее ты должен сам, потому что Избранный — ты». Трудно это себе сказать.

Мы с Гаптенем, не сговариваясь, воскликнули вместе:

— Но ведь это так!

Вот вам так просто: «Это так!», — ты даже рассмеялся. — А мне не просто. Мне сложно. Но потом я подумал: «Черт, если я не верю в себя, как же я сделаю то, что должен?!» Я похож на человека, который думает, что не может ходить, и поэтому не встает с постели. Далеко он уйдет? И я понял, что должен признать себе в том, в чем я стесняюсь, или боюсь себе признаваться. Да, я — Избранный. Ужасно звучит. Но я должен сказать это себе.

Данила, я сидел и смотрел на тебя, словно в первый раз увидел. Все думают о тебе, как об Избранном. Даже члены этого непонятного и неизвестного нам Совета! Ты один так не думаешь! Ты считал Избранными всех, с кем мы находили скрижали — Кристину, Илью, Максима, Митю. Но оказывается, не думал так о себе!

И тут меня, как молнией пронзило! А что, если бы мне пришлось так о себе думать?! Проснуться в один прекрасный день и сказать себе: «Я — Избранный! Поздравляю тебя (то есть себя) с этим!» Это же невыносимо. Сложно. Неловко. Страшно.

Но, с другой стороны, как без этого? Как совершить что-либо, если ты не веришь в то, что ты можешь это совершить?! В моей голове снова, как молотом по наковальне, прозвучали твои слова: «Я напоминаю человека, который думает, что не может ходить и поэтому не встает с постели».

— Господи, но ведь и я делаю такую же ошибку! Я думаю: «Данила — Избранный». Но ведь и я в каком-то смысле *избранный*... И что значит — «в каком-то»? В самом непосредственном! А иначе, что я делаю здесь, с тобой в России?! Что я делаю в этой, мчащейся в ночи, машине?!

«Кем можно манипулировать?» — я заново услышал твой вопрос. Мною! Это сейчас и происходит! И все потому, что я не уверен в себе. Во мне червь сомнения, ложной стыдливости, а за этим сомнением, за этим смущением — страх. Один только страх — ничего больше! То, с чем мы боремся! Мы боремся с тем, что у нас с тобой внутри!

Правда, правда о себе! Мы должны признаться себе, и только тогда сможем сделать то, что должны.

— И ведь это не все, Анхель! — продолжал ты. — Не все! Я понял и еще одну очень важную вещь. Дело не в том, что я — Избранный, а кто-то другой — не Избранный. Это каждого касается!

— В каком смысле? — не понял я.

— В прямом, Анхель! Это ведь каждый человек в глубине души думает: «Я, на самом деле, лучше, чем кажусь. Я могу добиться большего, нежели добился. У меня есть таланты, о которых никто не

подозревает. Во мне — Свет, Добро, Любовь». Каждый так думает! И это правильно — Свет, Добро и Любовь есть в каждом!

Но когда человеку предстоит совершить поступок, в нем как будто что-то ломается. И он говорит: «Нет, у меня не получится. Нет, я недостаточно хорош для этого. Нет, у меня нет таких способностей. Нет, я так любить не смогу. Да и что я знаю о Смыслах, о Целях, о Истинах...» Мы сами себя предаем, каждую секунду!

Данила, ты сказал очень важную вещь: человек должен верить в себя, полагаться на самого себя, доверять самому себе. А иначе, что он может сделать? Ничего. И кто поверит в него, если он сам в себя не верит? Кто будет доверять ему, если он сам себе не доверяет? Никто.

Поэтому первый шаг — это поверить в себя. Не искать помощи на стороне, не ждать, что другие тебя одобряют и поддержат, а самому это сделать. Переступить через свой страх, через свое стеснение, сомнение, и сказать: «Да, я могу! И у меня обязательно все получится, потому что я верю в себя!»

Первый человек, с которым мы должны найти подлинное примирение, первый человек, с которым мы должны быть честны до предела, до абсолюта — это мы сами. Если вокруг тебя нет мира, это значит, что внутри тебя нет мира. И только мир с самим собой, мир и согласие в себе — преобразят действительность вокруг тебя.

— И знаешь, Анхель, — продолжил ты. — Я понял, что имел в виду тот человек из Совета, который говорил: «Если не противится слабый, что с того? Если не противится сильный, он становится еще сильнее».

Я удивился:

— И что же он имел в виду, Данила?

— Многие люди пытаются следовать заповедям, не обретя прежде в своей душе подлинной силы, не найдя самих себя. Конечно, у них ничего не получается! И они разочаровываются. «Что-то не так с этой заповедью...», — думают они. А дело-то не в заповеди, дело в самом человеке. Он думал, его спасет заповедь, а это он должен был дать ей новую жизнь.

Важно ведь не то, *что* делать, а важно — *кто* делает. Если человек нашел мир внутри себя, если он нашел свою силу, если он доверился ей, чтобы он ни делал дальше, все будет хорошо. Какая разница, что снаружи? Ценно то, что внутри. А внутри у любого дела — человек, который его делает. Каков человек, таково и его дело.

Я чуть повернул голову и случайно заметил в зеркале заднего вида сияющие глаза Гаптена. Он вел машину и все это время заморожено слушал наш разговор. Мне показалось, он согласовывал собственные мысли и чувства с твоими словами. Данила, он слушал не просто умного человека. Он слышал Избранного.

А вокруг спал огромный город. И в нем люди, которым так важно знать то, что ты думаешь. Как донести до них эти мысли?..

Удар по тормозам. Гаптен быстро уводит машину в небольшой переулок и выключает фары.

— Приехали, — шепотом говорит Гаптен. Мы, стараясь быть тише воды, ниже травы, покидаем машину и следим за тем, что происходит дальше. Мужчина и Кассандра говорят о чем-то перед центральным входом небольшого, судя по всему, старинного здания. Потом поднимаются по ступенькам и входят внутрь.

— Что будем делать? — от напряжения я чувствую слабость в коленях.

— Гаптен, мы можем как-то отозвать оттуда Кассандру? — спрашиваешь ты.

Гаптен раздумывает секунду-другую, кивает головой и набирает номер на своем мобильном телефоне.

— Охрана? — говорит он в трубку. — Это Гаптен. Вы бы не хотели, случаем, проверить наших постояльцев?..

Это все. Он нажимает на сброс и пожимает плечами: «Должно подействовать».

И правда, Кассандра выбежала на улицу уже через пару минут.

— Как они могли уйти?! Куда вы смотрели?! Я с вас семь шкур спущу!!! — кричала она в телефонную трубку.

Сейчас позвонит... — говорит Гаптен и делает нам знак.

Мы прячемся в ближайшем подъезде. Темно, сыро, гнилостный запах. Через мгновение телефон Гаптена вибровывозом сообщает о звонке.

— Я слушаю тебя, Кассандра.

В трубке раздается отчаянный ор.

— Я не буду разговаривать в таком тоне, — говорит Гаптен и нажимает сброс.

Мы с тобой удивленно переглядываемся. Но Гаптен спокоен, он уверен, что Кассандра сейчас же перезвонит. Она, и вправду, перезванивает.

— Гаптен, не бросай трубку! — кричит она.

— Ты хочешь видеть Анхеля и Данилу?

В ответ звучит срывающееся «ДА!», которое мы слышим и в самой трубке, и на улице.

— Тогда вы знаете, где меня искать... Данила, тут ты выхватываешь у Гаптена

трубку и выключаешь ее. Ты понял, что Кассандра уже под дверью, у подъезда, в котором мы

спряталась. Вне себя от ярости, она металась вдоль этой улочки. И вот дошла как раз до этой двери. Мы замерли, увидев ее, испещренный магическими знаками платок в щели между косяком и покосившейся дверью.

— Алло! Антон! Да, это я, — Кассандра набрала чей-то номер. — Слушай меня внимательно, Антон! Ты должен взять еще двоих и выехать по тому адресу, который ты знаешь.

Родители предупреждены. Девочку забрать. Под любым предлогом, силой. Обстоятельства меня не интересуют.

Федора с остальными пошлешь в монастырь, где за Гаптенем следили. Помнишь?! Хорошо. Я сейчас туда. Будут раньше, пусть обождут. Если что, предупреди — этого щенка могут кончать, я его все равно сожгу, как и того дурака. А те двое, что с ним, Анхелем и Данилой зовут, они мне живыми нужны. У меня до них дело есть.

Все понял?! Действуй!

Кассандра отключила свой телефон, обернулась и уставилась на дверь. Она смотрела на нее, словно знала, что мы там! А мы — все трое — боясь вдохнуть или шелохнуться, считали секунды, каждая из которых казалась нам сейчас вечностью! Я был почти уверен, что она нас учуяла. Но, простояв так с полминуты или даже чуть больше, она вдруг выругалась и пошла к своей машине.

Мы выйти с площади и оказались на улице. Люди в сером или следом за нами. Я попытался их сосчитать, но тщетно. Может быть, пятнадцать, может, двадцать человек.

— Я так больше не могу, — грозно прошипел Данила. — С этим нужно покончить.

— Данила, что ты задумал? Пожалуйста... — я попытался отговорить его, но тщетно.

— А ну подойди сюда! — крикнул Данила и пошел за одним из них.

— Данила! — я запаниковал. — Что ты делаешь?!

— Иди сюда, я тебе говорю! — кричал Данила, не обращая на мои просьбы никакого внимания.

— Смотри, они от меня бегут! — воскликнул Данила.

И правда, они бросились врассыпную.

— Господи, Данила, а чему ты радуешься? Какое это имеет значение? То ли мы от них убегаем, то ли они от нас — какая разница?

Они к нам приставлены, и все.

— Ты прав, — тихо сказал Данила.

— Данила, попробуй сосредоточиться.

Пока ничего не вспоминаешь?

— Нет, Анхель, нет! Пустота, одна пустота!

Мерседес Кассандры рванул с места и скрылся за поворотом. Мы вышли из подъезда.

— Я должен ехать. Постараюсь ее задержать, — сказал Гаптен.

— Но это очень опасно! — возразил я.

Если она поймет, что мы ее надули, — возразил Гаптен, — то по ночному городу, без пробок, она обернется туда-обратно всего за час. А вам этого времени может не хватить. Я должен ехать...

— Спасибо тебе, Гаптен, — сказал ты и обнял юношу.

— Спасибо вам, — ответил Гаптен, улыбнулся и побежал к машине.

Выждав несколько минут, мы направились к дому, куда приезжала Кассандра. На лестнице нас встретила охрана:

— Частное владение! Чего надо?!

— Передайте, пожалуйста, что это от Нины Петровны. Нас ждут, — сказал ты, не моргнув глазом.

Сутулый охранник сделал звонок и, получив соответствующее распоряжение, проводил нас на второй этаж.

Как выяснилось, весь этот дом принадлежал тому мужчине, который разговаривал с Кассандрой у фонтана.

— Так быстро? — сказал хозяин дома, только увидев нас.

Он был невысокого роста, полноватый. Глаза — болезненные, но взгляд — острый, жесткий.

— Да, так быстро, — ответил ты.

— А не нужно было спешить, я передумал, — сказал вдруг мужчина. — Передайте Нине Петровне, что я больше не нуждаюсь в ее помощи.

Валера, перестань! — закричала женщина из глубины квартиры и направилась в нашу сторону. — Ты опять за свое! Ничего ты не передумал!

Тогда я не узнал мужского голоса, но женский я узнал точно.

Данила, именно этот женский голос был в твоих видениях.

— Я передумал, Тамара, передумал! — рявкнул на нее мужчина. — Мы сейчас же едем в больницу! Ты видишь, что с ней творится! У нее рак, дура! Ты можешь понять это, наконец! Не до игр! Когда она умрет, ты же меня будешь во всем винить!

Валерий стал показывать своему служащему, чтобы он нас выпроводил.

— Прекрати немедленно! — Тамара схватила его за руку. — Прекрати!

Валерий одернул ее. Тамара вlepила ему пощечину.

И только они сцепились, как из глубины коридора послышался слабый детский голос:

— Пустите их, это мои ангелы...

Было достаточно темно. Я прищурился и увидел маленькую девочку — лет шести или семи. Тоненькую, как тростинка. Кожа бледная, вся словно светится изнутри. На голове ни единого волосика. Ощущение, что от человечка остались одни глаза. Одни глаза.

— Господи, она встала! — закричала Тамара и всплеснула руками.

— Нельзя! Немедленно в постель! — закричал Валерий и бросился к ребенку.

Он взял девочку на руки и понес в комнату.

— Валера, я тебе говорила, что Нина Петровна ее спасет! Я тебе говорила! — вопила Тамара.

Не раздумывая, ты направился за ними.

— Папа, пожалуйста, не прогоняй их, — просила девочка. — Это хорошие. Это не те, это другие.

— Машенька, милая, какие не те? Какие другие? — спрашивал Валерий. — Тебе надо в кровать.

— Я была права! — назидательно шипела Тамара. — Нине Петровне можно доверять

Но Валерий ее словно не слышал:

— Скоро приедут врачи, Машенька. Они повезут тебя в больницу, дадут лекарство и все будет хорошо...

— Никаких врачей! — Тамара топала ногами.

— Заткнись! — огрызнулся Валерий, укладывая дочь в постель. — Я уже вызвал, сейчас приедет Юрий Петрович... Хватит с меня этой экстрасенсорной ерунды!

— Ненавижу тебя! Ненавижу! — Тамара колотила мужа локтями, кулаками, пихала коленом.

Валерий развернулся и толкнул ее. Она качнулась, не удержалась на ногах и упала.

— Сволочь! Сволочь! — вопила Тамара.

— Что же вы делаете?... — я был в ужасе от этой картины.

Маленькая девочка смотрела на нас огромными полными слез глазами. Жизнь в ней едва теплилась.

Ты отстранил Валерия, сел на Машину кровать и взял девочку за руку.

— Привет, Машенька! — сказал ты.

— Здравствуйте, — она улыбнулась в ответ. — Это хорошо, что вы пришли. Вы меня проводите?

— Вот видишь, она улыбается! — встала Тамара, потирая ушибленную руку.

Что значит «проводите»?! — возмутился Валерий.

Но ты не обратил внимания на их слова.

— Машенька, ты их слышишь, да? Постоянно? То, что они думают, да? Они у тебя внутри головы говорят? — спросил ты.

Маша качала головой — быстро, уверенно. И зажала губы, чтобы не разрыдаться. Она хочет быть молодцом. Она не будет плакать. Она будет держаться...

Боже мой, все твои видения, Данила, все эти ужасные монологи внутри твоей головы... Все они постоянно звучат в голове этой девочки! Она слышит то, что думают ее родители! Она знает, как они ненавидят друг друга, как поступают по отношению друг к другу. Как же она вынесла это?!

— Ты хочешь, чтобы они тебя отпустили? — снова спросил ты, и по тому, как дрогнул твой голос, я понял, что ты едва сдерживаешь слезы.

Маша продолжала качать головой — да, да, да. В ней была радость. Ее поняли. Поняли! Наконец!

Потому что не можешь больше с ними жить? — уточнил ты.

Маша перестала качать головой. Она смотрела на тебя внимательно, не то испуганно, не то сомневаясь. Она словно переспрашивала тебя: «Неужели ты сказал то, что я услышала? Ты не мог такого сказать. Все не так...»

— Нет? — удивился ты.

Маша покачала головой — нет, не поэтому. Она хочет, чтобы ее «отпустили» совсем по другой причине. Не потому, что ей плохо. Из-за другого.

— Машенька, почему? — ты все еще удивлен, тебе трудно поверить, что может быть какая-то другая причина.

Слезинка покатила по ее бледной щеке. Тонкие губы потянулись в стороны. Маша подняла маленькую, слабенькую ручку и прикрыла ею рот. Она испугалась, что ты ее не понимаешь.

— Машенька... — ты почти взмолился. — Подожди, милая, подожди. Дай мне секунточку. Сейчас дядя Данила догадается. Подожди...

Я видел твоё смятение, твой ужас. Если ты не угадаешь, не поймешь, почему эта маленькая девочка не хочет, не может жить, сам не скажешь ей об этом, она не выдержит своей муки, своего абсолютного одиночества, она умрет.

Эта пауза тянулась вечность, две вечности, три... Ей не было конца. Маша смотрела на тебя, а ты на нее. И единственный путь, единственный способ, каким ты мог понять, почему она не хочет жить, это было

стать ею. Стать на мгновение этой маленькой девочкой, которая, зная о том, что думают ее родители, желает себе смерти.

— Маленький принц пошел на войну, — она запела тихим, тонким голосочком, словно хотела подсказать тебе, помочь, дать ключ к разгадке — только догадайся.

Маленький принц пошел на войну,

Но без пуль и без стрел. Маленький принц шел мимо войны,

Ведь он воевать не хотел. Маленький принц не верил в войну,

И не было той войны. Маленький принц вернулся с войны,

Соскучились ведь цветы...

Срывающийся детский голосочек пел о маленьком принце. Жизнь призывала его на войну, но он не хотел воевать. Цветы были в его сердце. Он шел на войну, но прошел мимо войны, потому что не верил в смерть. Он верил в цветы.

Она пела, а мне казалось, что я слышу биение твоего сердца. Сначала это был трагический звук поминального набата. Но с каждым словом, с каждой ноткой этой детской песенки в твоём сердце, в его ритме появлялось что-то новое, чистое, свежее.

И я вспомнил наш с тобой последний разговор. Я вспомнил, как важно верить в себя, в то, что у тебя внутри. Верить, что ты сможешь, что у тебя получится. Ведь нет препятствий, кроме сомнения. А Избранный должен думать о себе, как о Избранном.

Все мое существо собралось сейчас в одну точку. И я посылал тебе всю свою силу, все, что есть во мне ценного и дорогого — Любовь, Добро, Свет. У тебя не может не получиться. У тебя обязательно получится. Ты — Избранный!

«Пустите их, это мои ангелы...» — прозвучал в моей голове голос Маши.

— Не плачь, солнышко, я знаю, — сказал ты Машеньке и погладил ее по голове.

Потом, Данила, ты повернулся к ее родителям:

— Вы думали о том, что будет, после того как Маша умрет?

Этот вопрос поверг их в шок:

— Что вы такое говорите?.. — вскипела Тамара. — При ребенке!

Так получилось, что в моей голове звучат ваши мысли. Я знаю, о чем вы с Валерием думаете. Это действительно так, — ты говорил спокойно и определенно. — И Маша слышит. Она всю жизнь слышала ваши мысли. Она знает все. Она знает, как вы ненавидите друг друга и как вы поступаете. И ей невыносимо тяжело, ведь она любит вас.

И она хочет умереть. Но не потому, что ей тяжело, а потому что она хочет раскрыть обман. Огромную ложь, которая отравляет вашу жизнь. Каждый день вы убеждаете себя, что живете вместе «ради Маши». Но это неправда. Ради Маши вам бы следовало расстаться! Но вы не делаете этого. Почему? Знаете ли вы это?!

— Ну... эээ... — Валерий и Тамара выглядели растерянными, не знали, что сказать.

— Нет, вы не знаете, — продолжил ты. — А Маша хочет, чтобы вы знали. Иначе, без этой правды, вы не будете счастливы. Она хочет уйти, освободить вас. Она хочет дать вам шанс разобраться в себе. Это ее подарок. Драгоценный подарок от маленького человека, который любит вас. А вы лжете — себе, друг другу и своей дочери. Дочери, из-за которой вы якобы терпите муку совместной жизни...

Я не знаю, почему два ненавидящих друг друга человека живут вместе. У меня нет объяснений. Из-за страха перед будущим, перед неизвестностью? Возможно, вы сомневаетесь в своих силах? Вам стыдно, что вы не справились с ролью идеальных супругов? Или вы просто не верите в то, что можете быть счастливы? Я не знаю, почему вы губите себя и свою жизнь. Но Маша знает об этом и хочет развязать вам руки.

В этот момент, Данила, я увидел, как испуганно смотрит на тебя Маша. Ты угадал, ты все сказал правильно. Но она испугалась. Она бы никогда не решилась сказать это сама. Она бы не решилась причинить своим родителям эту боль. Впрочем, ее бы и не поняли...

Как это странно, абсурдно — ребенок хочет умереть, чтобы подарить своим родителям шанс на счастье. Почти невероятно! Но если задуматься. Я уверен, любой ребенок пожертвует самым дорогим, даже своей жизнью ради мамы и папы. Это же так естественно — желать, чтобы твои родители были счастливы!

(Книга из электронной библиотеки неПУТЬёвого сайта <http://ki-moscow.narod.ru>)

А Маша знает, насколько несчастны ее родители. Она слышит их бесконечные стенания внутри своей головы. И она понимает — у ее родителей не хватает силы духа обратиться к своей жизни и позаботиться о ней. Они запутались в собственной лжи, прикрываясь благородным поводом — «семьей для дочери». И она стала искать смерти!

Индейцы навахо считают, что если человек действительно не хочет жить, ему не нужно прибегать к самоубийству, он умрет без внешних причин, сам. Тело человека живо только до тех пор, пока его душа хочет продолжать свое земное существование. Если же человек теряет желание жить, его тело, словно по команде, начинает отказывать и разрушаться. Оно похоже на срезанный цветок: внешне — все, как прежде, все хорошо, но смерть уже вошла в этот дом.

— Боже мой, почему я не послушал его?! Почему?! Он же говорил мне об этом, именно об этом... — Валерий схватился за голову и застонал, как раненый зверь.

— Кто? О чем вы? Кто вам уже это говорил? — Я схватил Валерия за руки и начал трясти.

Но Валерий почти не реагировал. Он продолжал стонать, корчась от душевной боли, раздиравшей его сердце.

— Как я мог?! Я же все знал... Я должен был... — он продолжал выть.

— О чем он говорит? — спросил ты у Тамары.

— Не знаю! — фыркнула женщина и скрестила на груди руки.

— Год назад мне было очень плохо, — зашептал Валерий. — Я не находил себе места, не понимал, зачем я живу, думал уже покончить с собой. Но кто-то подсказал мне одного врача. И я сходил к нему. У меня выявили депрессию и назначили лекарства.

Правда, этот врач предупредил: депрессия — это только последствие, только результат. А поэтому одними таблетками ее не вылечить, нужно устранить причину. Иначе, как только наступит облегчение, болезнь снова вернется.

Я спросил его о причине — почему я заболел? Он странно посмотрел на меня и пожал плечами: «А вы уверены, что вы хотите разобраться?» Я удивился его вопросу. «Это же так естественно», — сказал я. «Но это больно, — ответил он. — А люди всегда пытаются избежать боли». В общем, мы расстались ни на чем.

Таблетки стали помогать. И уже через пару недель я действительно чувствовал себя лучше. Я уже забыл об этом странном разговоре и докторе... Но он оказался прав, это было мнимое улучшение. Я стал иногда улыбаться, меньше тревожился, но внутри оставалась тоска — тяжелая, мучительная, изматывающая.

Я пришел к этому доктору снова. Но и в этот раз он не спешил браться за причины моей депрессии. «Вы бежите от боли, — сказал он мне. — А я предлагаю вам другую боль. Подумайте, нужно ли вам это». Я удивился. «Мне не нравится, что вы говорите загадками», — сказал я. «Загадка — это ваша жизнь, — ответил он. — В этом все дело».

Я разозлился и, уходя, даже хлопнул дверью. Но скоро мне пришлось пожалеть о своем поведении. Моя депрессия, ее второй вираж, даже с таблетками была ужасной. Она опустила на мою жизнь, как кромешная ночь, утопив во мраке безысходности все мои чувства, кроме боли. Я физически ощущал, что надо мной висит ангел смерти.

Когда я пришел к этому доктору в третий раз, я увидел вдруг с каким сочувствием он на меня смотрит. Странно, что я не замечал этого раньше. Ведь я уверен, эта сила всегда была в его взгляде...

Валерий замолчал.

— И что, что он вам сказал? — спросил я, не в силах больше выдерживать это напряжение.

— Что он сказал? — Валерий поднял голову. — Он сказал, что я никого не люблю. Это ужасно, но это правда. У тех, кто по-настоящему любит, не может быть депрессии. Депрессия возникает только у тех, кто заиклен на себе. А любящий думает о другом человеке, о том, кого он любит. И даже, если любимому человеку плохо, у него не опустятся руки и не будет депрессии. Ему не до слез...

Повисла пауза. Это признание прозвучало, как выстрел. Но мне показалось, что Валерию нужно было это сказать. Сказать правду.

— Валерий, но ведь это не все? — спросил ты. — Он должен был...

— Да, вы правы, — Валерий покачал головой. — Это не все. Я многое о себе узнал. Я узнал о том, как оправдываю себя. О том, как я лгу самому себе. Что я боюсь правды, потому что боюсь ответственности. Ведь, сказав «А», нужно говорить и «Б».

— Какой ответственности? — не понял я. Валерий как-то рассеяно улыбнулся:

— Перед самим собой, — сказал он. — Знаете, я в детстве очень любил одну книгу. «Маленького принца» Экзюпери. И запомнил оттуда фразу: «Мы ответственны за тех, кого приручили». Всю жизнь я следовал этому правилу. Хорошее, благородное правило... Но что делать, если ты разочаровался? Как быть, если ты понял, что не должен был приручать того, кто приручился? Куда бежать от жизни, превратившейся в «Ад»? От тебя ждут того, чего твое сердце просто не может дать...

Он плакал. Плакал, как ребенок. Стоны рвали и душили его.

— Валера, что ты такое говоришь? — встала Тамара. — Это ерунда какая-то!

— Я говорю, что я врал самому себе, Тамара! — воскликнул Валерий. — Мне казалось, что я думаю о тебе, о Машеньке. Что я несу за вас ответственность. Но это была ложь. Ложь, потому что, на самом деле, я думал только о себе.

Я думал о том, что я не могу с тобой жить, что ты мне чужой человек, что ты не понимаешь меня. Пытаясь быть ответственным за вас, я не был ответственен перед самим собой. И поэтому ничего не получилось. На лжи нельзя построить жизнь.

Если бы я любил, если бы это чувство жило во мне, все было по-другому. Но я не любил, я пытался все сделать правильно, но не по правде. Я думал, что ответственность — это любовь. А оказывается любовь — это ответственность.

Знаешь, Тамара, я спросил этого доктора. Я сказал ему, что вот, мол, есть сказка и что там есть такие слова: «Мы ответственны за тех, кого приручили». И знаешь, что он мне ответил? Знаешь?!

— Нет, Валера, я не знаю, — Тамара скривила рот.

— Он мне сказал: «Это хорошие, правильные слова. Но беда в том, что никто в этой сказке не говорит друг другу "Я люблю тебя". Никто. Ни Маленький Принц, ни его Цветок, ни Лис, ни — самое ужасное — сам Экзюпери. И даже когда Маленький Принц рассказывает летчику о своей ошибке, об ошибке цветка, тот говорит лишь: "Я люблю, когда ты смеешься". Но это не то же самое, что и "Я люблю тебя". И мальчик погибает...».

— Валера, ну что ты слушаешь какого-то там доктора! — Тамара крутилась на месте, как торговка на базаре. — И я вообще ничего не понимаю, о чем речь! Ты что, нас с Машенькой не любишь?..

— А ты нас с Машенькой любишь?! — глаза Валерия блеснули ненавистью и презрением.

— Конечно!.. — не задумываясь, выпалила Тамара.

— А почему тогда мы несчастны! — взревел он и схватился руками за голову. — Господи, почему же я его не послушал! Надо было взять на себя ответственность. Перестать лгать. Не пускать свою жизнь на самотек. Как же я мог так испортить свою жизнь?!

— И мою! — встала Тамара.

— Нет, и ее, — Валерий указал на Машу. — А свою ты испортила сама.

Машенька встала с постели и подошла к папе. Она обняла его, как умеют обнимать только дети, и стала шептать ему на ухо:

— Папа, папочка, не плачь, пожалуйста, не плачь. Ты хороший. Я тебя люблю, папа, — сказав это, она отняла его руки от лица, посмотрела ему в глаза и тихо-тихо, еле слышно произнесла: — Папа, правда страшит, но с ней не страшно.

Слыша это, глядя на них, ни я, ни ты не могли сдержать слез. Этот ребенок, эта маленькая девочка обезоруживала силой своей любви. Той нежностью и той уверенностью, которая жила в ней, в ее едва живом существе.

«Ответственность — это не любовь. Любовь — это ответственность», — прозвучали в моей голове слова Валерия. Его дочь знала это и без доктора. Она знала это, потому что любила.

— Впрочем, я как всегда оказалась права! — воскликнула Тамара, глядя на Машу. — Прямо на глазах видно, что ей становится лучше. Прямо на глазах! Нет, Нина Петровна — это наше спасение! Пришли от нее люди, сделали, что нужно...

— Мы не от Нины Петровны, — сказал ты, словно бы между делом.

— Не от Нины Петровны? — удивилась Тамара. — Как?! А от кого же?

— Мы просто пришли к вам, точнее — к Маше, — ответил ты. — Но сейчас будут от Нины Петровны.

И я бы советовал вам к этому подготовиться. Она хочет украсть Машу.

— Украсть?! — Валерий поднял на тебя глаза.

Где-то внизу послышался шум.

— **Ч**то там такое?! — Валерий встал с кресла и вышел в коридор.

Шум усиливался. Снизу доносились крики охраны, кажется, началась потасовка, быстро превратившаяся в драку. Послышались быстрые шаги — кто-то бежал вверх по лестнице, кто-то вниз. Звуки ударов и хлопки, похожие на звук открываемых бутылок с шампанским.

— Они, что, все с ума посходили? — претенциозно воскликнула Тамара и собралась пойти выяснить, в чем дело.

— Не ходите туда! — закричал ты. — Где у вас черный ход?

— Черный ход? — удивилась Тамара. — Рядом с кухней. И все же, что там творится?!

— Вам лучше этого не знать, — ответил ты. — Вы должны слушаться меня — пойдете к черному ходу!

— Ну что за глупости! — возмутилась Тамара. — Я пойду посмотрю, в чем дело!

Она направилась к выходу.

— Не валяйте дурака, нужно бежать! — потребовал ты.

Тамара смерила тебя презрительным взглядом, развернулась и пошла к главной лестнице.

Машенька, давай, садись ко мне на руки! — скомандовал ты. — Покажи нам, где кухня.

И Маша сделала все, как ты сказал. Она обняла тебя за шею, ты подхватил ее. Мы выскочили в коридор и бросились в направлении кухни. Там мы отыскали черный ход и уже через несколько секунд были на лестнице.

Как раз в этот момент к дому подъехала машина скорой помощи. Ты сделал знак, чтобы водитель остановился.

— Юрий Петрович здесь? — крикнул ты через окно.

На тебя уставился пожилой мужчина в очках и белом халате:

— Да, это я.

— Вы знаете, куда вести Машу? — спросил его ты.

— Маша? — удивился врач скорой помощи, увидев девочку на твоих руках. — Да, конечно! Садитесь.

А где Валерий Николаевич?

Он... — только и успел сказать ты.

— Что было дальше?! —

Данила смотрит на меня с ужасом.

А я не знаю, как ему сказать. У меня язык не поворачивается.

— Дальше, Данила, дальше...

Маша на глазах побледнела, взгляд остекленел.

И с тобой произошло то же самое.

Лезвием вам разрезали душу.

Вы обнялись, словно две половинки единого целого. Прижались друг к другу, сдерживая крик.

Голоса в ваших головах замолчали...

— Что?! — глаза Данилы наполнились слезами.

— Убили ее родителей, Данила. Убили.

Мы доехали до клиники.

Всю дорогу вы оба что-то бормотали,

словно разговаривали друг с другом.

Я не мог разобрать не единого слова.

Мне казалось, это были слова... Не знаю.

— Анхель, где Маша?! —

— Данила, Машу забрали врачи.

Ты был в забытьи и не выпускал ее из рук.

Тебе даже пришлось сделать укол,

чтобы разжать руки. Через какое-то время приехали две сестры Валерия.

Хорошие женщины.

Я взял такси и отвез тебя домой.

Дальше ты все знаешь

ЭПИЛОГ

Мы стояли на большом шумном проспекте. Мимо проезжают машины, идут люди. И у каждого из них свои дела, свои проблемы. Они заняты. В их жизни все просто — дом, работа, дом. Они живут. Просто живут. Или им кажется, что они живут.

А в безоблачном небе царит солнце — яркое, почти белое. Оно заглядывает в темноту и ночь сменяется днем. Но может ли оно заглянуть в души? В души тех, кто сейчас идет по этим улицам, едет в этих машинах? Кто даст им истинный Свет?

Мне вспомнились слова Гаптена: «Из Божественного Откровения Сведенборг узнал, что существует два параллельных мира. Один — натуральный, и здесь все смертно, а Солнце мертво. Другой — духовный, в нем Солнце — это теплота Божественной Любви и свет Божественной Мудрости. Духовное Солнце существует в атмосфере, которая есть Божественное Служение...»

— Я попрошу вас следовать за мной, — послышалось сзади.

Мы с Данилой обернулись и увидели, что сопровождавшие нас до сих пор люди в серых костюмах стоят рядом.

— Это ненадолго, — пояснил мужчина.

Данила только усмехнулся — печально и просто: «Пойдемте».

Мы сели в одну из машин. Нас привезли к самой фешенебельной гостинице города и сопроводили в президентский номер. Изысканная мебель, анфилада комнат, бархатные шторы и картины на стенах.

— Все это очень странно, — сказал я, когда мы остались вдвоем.

— Более чем, — ответил Данила и подошел к окну. — Смотри!

Я тоже выглянул в окно. У подъезда остановился лимузин. Из машин сопровождения выбежали люди в серых костюмах и оцепили прилегающее пространство. Один из охранников открыл дверь лимузина и на красную дорожку перед гостиницей ступил индус...

— Это он? — спросил Данила. — Свами Бра...

— Брахмананда, — подтвердил я. — Председатель Совета.

Мы повернулись и уставились на дверь.

— Я вынужден просить у вас прощения, — сказал индус, входя в распахнутые для него двери. — Все это время шло заседание Совета. Решения принимаются коллегиально. А непростые решения принимаются

долго. Простите.

Повернувшись к охранникам, Свами Брахмананда попросил их уйти. Повисла пауза. Мы стояли втроем посреди комнаты.

— Присядем? — предложил Данила.

Предложение было принято. Но индус продолжал молчать.

— И что вы решили? — спросил Данила.

— Мы решили ждать, — ответил индус.

— Да, непростое решение, — «согласился» Данила. — И чего ждать?

— Завершения вашей миссии, — пояснил Свами Брахмананда. — Признаться, мы не думали, что дело повернется таким образом. Мы не надеялись на явление Скрижалей. Когда это случилось, мы были уверены, что вы сможете выполнить возложенную на вас миссию. Я полагаю, это чудо. И теперь во мне борются противоречивые чувства. Мне бы хотелось верить в ваш успех. Но... Вы знаете о нашей позиции. Мы думаем это и невозможно, и неправильно. В любом случае, мы будем ждать и не станем чинить вам препятствия...

— А больше нечего ждать, вы выиграли, — прервал его Данила. — Мы потеряли пятаю Скрижаль. Все кончено.

— Да, — подтвердил я, сдерживая внутренне возмущение.

Именно этот человек, эти люди помешали нам. А теперь он приходит и делает вид, что ни о чем не знает.

— Ничего не кончено. Вы не потеряли Скрижаль, — индус удивленно посмотрел на нас. — Ах да, вы же ничего не помните! Простите...

— В каком смысле? — Данила подался вперед. — Не потеряли?!

— Нет, — уверенно ответил индус.

— Послушайте, пожалуйста... — взмолился я. — Вы знаете больше, чем говорите. Скажите нам!

— Да, и где Гаптен? Где Кассандра? Что с Машей? — спрашивал Данила.

Индус сделал два хлопка ладонями. Дверь в номер открылась, и вошел человек, держащий в руках сверток. Он положил его на стол и вышел.

— Вот, — индус показал на пакет. Данила открыл его, и я ощутил отчетливый запах гари. Горсть пепла высыпалась на стол. Меня объял почти животный ужас:

— Гаптен?! Она сожгла его! Как же вы могли это допустить?! За что?! В чем он виноват?!

Вслед за этим Данила вытянул из пакета обгоревший платок Кассандры. Я оцепенел, не понимая, что происходит.

— Это результаты ее химических опытов, — сказал индус, глядя на платок. — Пытающийся обманывать обманется.

— Так Гаптен жив?! — Данила уставился на индуса.

— Да, конечно. Кстати, он просил вам передать.

Индус достал из кармана и протянул Даниле серебряный медальон Гаптена.

— Я не хочу, чтобы вы видели в нас врагов, — продолжил Свами Брахмананда. — Мы просто думаем по-разному. Мы готовили Гаптена. Скоро он должен был стать одним из нас — посвященным, свидетельствующим таинство гибели мира. Но вы его «отыграли». Теперь в сердце этого юноши надежда на спасение мира. Я полагаю, это чудо. То, что вы делаете, преобразует судьбы людей. Быть может, вы правы, а мы ошибаемся. Быть может... Будущее покажет.

— А я уже начинаю думать, что вы знаете абсолютно все... — сказал Данила, сжимая медальон и испытывающе глядя на индуса.

— Мы знаем все, что происходило и происходит, — ответил индус. — Но мы не знаем будущего. Вы, Анхель, написали в своей книге об «эффekte бабочки». Тысячи нитей прошлого создают ткань будущего. Но рисунок, которым ложатся эти нити, не известен до последнего момента, до момента сейчас. Поэтому будущее не известно никому.

Я удивился, что он знает о последней книге, всего неделю тому назад я отправил ее в издательство:

Но она еще не издана, как вы могли ее прочесть?

Он улыбнулся и повторил:

— Мы знаем все, что происходило и происходит. Но мы не знаем будущего.

— Но если вы все знаете, почему вы терпели Кассандру? — спросил Данила. — Как вы могли допустить, что она возглавляла здесь вашу миссию?

— Мы не учим других жить по нашим принципам. Мы сами живем по ним. Не сопротивление Злу... Зло атакует не только мир, не только вас, но и нас. Однако же, как я вам и говорил, оно уничтожает Самое Себя. И вот вам наглядный пример, — индус показал на пакет с пеплом. — Нет нужды бороться со Злом. Я не просто верю в это, я знаю это.

— Но почему вы ждете гибели мира?! — воскликнул Данила. — Несмотря на все ваши объяснения, я не вижу логики.

Вы видели эту семью — Валерия и Тамару, вы видели мужчину и женщину, — тень легла на лицо индуса. — Это только пример. Обычный. Таких миллионы. Но вы, Анхель, видели и сущности. Вы видели

сущности Мужчины и Женщины. Вы осознаете эту разницу? Разве вы не ужаснулись ей?! Кассандра, я знаю, говорила вам, что в *Том* мире «все наоборот», по сравнению с этим. Это неправда. *Это в нашем мире все наоборот...*

— И вы считаете себя «санитарами леса»? — Данила был раздосадован.

— Карма, Данила. Карма! В этом нет нужды, — ответил Свами Брахмананда. — Маленькая девочка, которую вы спасли, наследует огромное состояние. Но она осиротела. Эта маленькая принцесса — символ современного человечества. У него нет корней, они утрачены. Перед ним будущее, которого еще нет. Каким оно будет? Человечество обрело абсолютную свободу, которая равносильна разорению. Все в его руках, но его руки пусты.

— Но почему вы думаете, что корни утрачены? — я очень удивился этому утверждению.

— Эта девочка узнала о том, что думали ее родители. Что она стала думать о своих родителях?.. Теперь человечество знает все о своих прежних мифах, о своей истории. Нет больше тайн. Иллюзии развенчаны. На сцене — правда. Что может думать современный человек о своих корнях? А как он может жить, если у него больше нет корней, в которые бы он хотел верить?

— Простите, а как же люди, с которыми я встречался в самом начале поисков, — удивился Данила. — Это были представители разных конфессий, и, насколько я понимаю, все они были посвященными. Почему они поддерживали эти поиски? Причем, они активно настаивали, толкали меня!

Все непросто Данила, все непросто. Как вы должны были заметить, каждый из них действовал в одиночку. Такова ситуация. Это наш мир сейчас. Все, кто пытается служить Добру, действуют в одиночку — сами по себе, или в рамках какой-то частной организации, отдельной религиозной конфессии. Только мы, поскольку мы действуем не во имя Добра, а просто следуем безликому Закону Кармы, способны работать сообща.

И, должен сказать, мы достигаем значительных результатов. Силы же «воинственного» Добра, с представителями которых ты встречался, не могут этого. Добро слишком слабо. Они рассчитывают, что вы найдете Скрижали, и это поможет им объединиться. Но сами они не могут переступить разделяющих их противоречий. Им кажется, их спасут Скрижали. Они наивны. Поэтому мы и обращаемся к вам...

— А что вы сами думаете о Скрижалях? — спросил я.

Что мы думаем?.. — протянул индус. — Вы ищете Скрижали, а мы следим за этим. Великие истины открываются вам. Но это только истины. Как ими распорядиться? Как донести их до человеческих сердец? Что, наконец, вы будете с ними делать? Сами по себе они не совершат чуда. Чудо должны будут совершить люди. Это их последний шанс, последняя надежда, последний бой. Время неумолимо движется вперед. И пока человечество только разрушает само себя, как и всякое Зло...

— Неужели это все, что вы можете сказать? — Данила недоверчиво посмотрел на индуса.

— Вы способны менять линии судеб, — Сва- ми Брахмананда говорил так, словно бы в его словах больше, чем произносится. — Мы были уверены, что Маша умрет. Но этого не случилось. Она идет на поправку. Бедная девочка... Но умерли ее родители. И я хочу, чтобы вы поняли это. Законы Кармы никто не отменял.

— Вы знали про Машу с самого начала? — я оторопел.

— Разумеется, — индус кивнул головой. — Мы знаем все, что было, и все, что есть. Мы не знаем только то, что будет.

— И вы знаете, в ком две оставшиеся Скрижали?! — воскликнул я.

— Да, знаем, — индус сказал это так, словно бы разговор закончен.

— И вы... — Данила надавил на него.

— Нет, мы не скажем вам, — спокойно ответил индус. — У нас нет согласия — помогать вам или нет. Ваше появление изменило наше представление о будущем мира. Теперь у него есть шанс. Но мы не уверены, что это правильно. Если у вас все получится, значит так тому и быть. Нет — значит мы были правы.

Так, может быть, вы и тексты Скрижалей знаете? — Данила снова смотрел на него с недоверием.

-Да.

После секундной паузы полного замешательства Данила откинулся на спинку своего кресла:

— Бред какой-то.

— Неужели вы думаете, что Скрижали — это заклинания? — рассердился индус. — Неужели вы думаете, что несколько слов способны изменить то, что человечество делало на протяжении тысяч лет? Мы не знаем, как следует ими распорядиться.

— Но все-таки это важно?! — воскликнул я.

— Я не буду отвечать на этот вопрос, — сдержанно ответил индус.

— Я так и думал, — Данила выглядел напряженным и сосредоточенным. — Вы только говорите, что не будете нам препятствовать. Но вы делаете это, вольно или невольно. Как Кассандра узнала про Машу? Она же не из посвященных. Это вы ей сказали! Вы подвергли риску жизнь девочки!

Вы ошибаетесь, Данила, — индус говорил открыто и честно. — Девочка искала вас, а вы — ее. То, что эта встреча произошла через Кассандру... Так есть. Нина любила повторять эту фразу из «Фауста», о силе,

что вечно хочет зла и вечно совершает благо. Что ж, это стало ее судьбой. И это подтверждает все то, о чем я вам говорил.

Но я все же не поверил индусу.

— Хорошо, — сказал я. — А как она узнала наш адрес? Она же не ясновидящая.

— Знаете, — улыбнулся индус. — Один очень умный атеист однажды сказал мне, что в Евангелие есть только одно «чудо» от Христа, которое он не может объяснить эффектом массового гипноза. И это чудо заставляет его «верить» в Бога. Сейчас вы мне напоминаете этого человека. Спрашиваете, как она узнала ваш адрес?

— Да, — подтвердил я, не понимая, к чему это сравнение.

— Данила, посмотрите, что у вас лежит в наружном кармане пиджака, — попросил индус.

Данила удивился, засунул руку в карман и достал оттуда какую-то бумажку, похожую на квитанцию.

— Что это? Я сюда этого не клал...

— Посмотрите, посмотрите... — посоветовал индус. — Вы подобрали это в кабинете Кассандры, когда обрушились на ее стол.

Я вспомнил, как Данила, действительно, упал в ее кабинете, а потом еще ощупывал свое тело. Или мне показалось, что ощупывал? Он стащил у нее эту бумажку?! В том своем состоянии?!

Мы пригляделись. Ничего особенного — просто какой-то чек или квитанция на покупку ювелирного изделия. Но мой взгляд вдруг задержался на фамилии. Это была фамилия ювелира, через которого мы были вынуждены продать браслет моей матери.

— Она узнала наш адрес через этого ювелира? — догадался я.

— И даже выкупила уже проданный к тому времени браслет, — подтвердил индус. — Странно, Анхель, что вы его не заметили. Она крутила им перед вашим носом. Авантюристы всегда рискуют...

Я вдруг вспомнил, как Кассандра оправляла передо мной свои браслеты.

Распахнув пакет, индус чуть-чуть встряхнул его содержимое и достал нашу семейную реликвию...

Я схватился за голову. Я вспомнил маму и расплакался.

«Ты должен быть там», — услышал я в голове ее голос.

— Не для защиты, но в помощь, — сказал индус, повторив слова, сказанные когда-то моей матерью.

Свами Брахмананда встал и направился к выходу.

— Подождите, — окликнул его Данила. — А как же Скрижаль?

— Теперь она в вас, — улыбнулся индус. — Навестите свою маленькую принцессу, и все вспомните.

Она вас ждет. Прощайте.

— Прощайте, — ответил Данила.

— И поберегите свое инкогнито, — индус вдруг остановился в дверях. — Этот мир ждет своей смерти.

Не пытайтесь говорить с ним, прежде, чем будете знать, как...

Через минуту кортеж из десятка машин отъехал от гостиницы.

— Раньше я думал, что мир состоит из тех, кто управляет, и тех, кем управляют, — сказал Данила, наблюдая в окно за тем, как индус садится в свою машину. — Потом оказалось, что есть еще и параллельный мир, *Тот*. А теперь я вижу, что параллельный мир есть и в этом мире. И те, кто управляет, сами управляемы.

— И где правда?.. — сказал я.

— Правда в каждом из нас, — ответил Данила. — Только вопрос, где мы?